

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 7

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ великаго народа служитъ его способность подниматься на ноги послѣ паденія. Какъ бы ни было тяжело его униженіе, но пробьетъ урочный часъ, онъ соберетъ свои растерянные нравственные силы и воплотитъ ихъ въ одномъ великомъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ великихъ людяхъ, которые и выведутъ его на покинутую имъ временно прямую историческую дорогу.

К л ю ч е в с к і й.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 7

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

---

1 9 2 9

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
1. Россія зоветъ. Редакторъ	3
2. Къ родной молодежи. И. С. Шмелевъ	7
3. Музыка Метнера. И. А. Ильинъ	11
4. «Одинъ въ полѣ не воинъ». Б. В. Адамовичъ	23
5. Идея Папы въ католической церкви. П. С. Арсеньевъ	29
6. Причины неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ. А. А. фонъ-Лампе	38

I. Желѣзныя дороги въ Россіи. А. И. Бунге	49
II. Квартирный вопросъ въ городахъ совѣтской Россіи. В. Ф. Гефдингъ	53
III. Эволюціонируютъ ли коммунисты? Старый Политикъ	61
IV. Пророческія слова Карлейля	63

РОССІЯ ЗОВЕТЪ.

Свиду распахавшаяся, порабощенная и униженная, а на самомъ дѣлѣ попрежнему великая и глубокая, священная и щедрая, — изъ прошлыхъ вѣковъ въ будущіе вѣка, — безглагольно, но властно зоветъ насъ къ новымъ усилямъ и подвигамъ наша родина, Россія.

Намъ ли не услышать ея зова? Намъ ли усомниться въ ней?

Во всей міровой исторіи не было еще *такой* національно-государственной задачи, столь сложной, столь напряженной, столь громоздкой. Этого суровый климатъ; эта равнина, открытая со всѣхъ концовъ; эти навязывающіяся отовсюду территоріальныя глыбы; эти сотни чужихъ народовъ и дикихъ народцевъ; эта оторванность отъ моря и плаванія; это отсутствіе культурнаго наслѣдія (что далъ намъ древній Римъ? гдѣ наши средніе вѣка?); эти все сметающіе, трехсотлѣтніе погромы татаръ; эти безконечныя оборонительныя войны...¹⁾ — — и изъ этихъ непримѣрныхъ трудностей, одолевая ихъ и подчасъ изнемогая отъ нихъ, выросла младшая изъ великихъ міровыхъ державъ, величайшая по своему земному объему и самобытнѣйшая по своей духовной культурѣ. Ни одно государство въ мірѣ не создало въ столь короткій срокъ — столь великой державы и столь замѣчательнаго духовнаго цвѣтенія. Но именно этимъ и объясняется наша судьба: съ одной стороны — *пробѣлы, упущенія и первобытность въ культурѣ нашихъ массъ* (гдѣ у нихъ религіозно отстоявшійся характеръ? гдѣ проработанность души долгомъ? гдѣ закрѣпленный и уравновѣшенный инстинктъ собственности? гдѣ правосознаніе? гдѣ національное самочувствіе?); съ другой стороны — *завистливое и опасливое отношеніе къ намъ всѣхъ западно-европейскихъ державъ*. Нашъ ростъ, наша жизненная сила, наше распространеніе — тревожили ихъ и не давали имъ покоя. *Всѣ онѣ хотѣли нашей слабости*: одні для обезвреженія «соперника»; другія для обезсиленія его «не прогрессивнаго» духа; третьи для его торговаго, промышленнаго и земледѣльческаго покоренія. *Всѣ хотѣли разыграть насъ въ свою пользу и ослабить насъ; и всѣ онѣ вливали въ наши раны, пробѣлы и упущенія — всѣ скопившіеся въ нихъ самихъ яды: ядь без-*

¹⁾ «Русскій Колоколь», № 1, «Русская Территорія» и «Населеніе Россіи»; № 2, «Историческое бремя Россіи»; № 3, «Московскіе князья собиратели» и «Войны Россіи»; № 5, «Русская колонизація».

божнаго міровоззрѣнія; ядь разсудочности и матеріализма; ядь демократическаго республиканства: ядь социализма и коммунизма. И закончилось все это безпримѣрной въ исторіи попыткой привить русскому человѣку въ часть его переутомленности и недомоганія — сыворотку духовнаго бѣснованія, умонастроеніе западно-европейскаго босяка, хулигана, «апаша», «лумпенпролетарія»... Отъ этого вливанія и отъ этой прививки Россія дѣйствительно заболѣла коммунистическимъ буйствомъ; и ослабѣла. И нынѣ никто изъ нихъ не желаетъ нашего возрожденія и нашего расцвѣта — въ силу тѣхъ же самыхъ побужденій; и попрежнему онѣ боятся сильной Россіи и предпочитаютъ Россію слабую и урѣзанную, порабощенную и распадающуюся.

Но развѣ ими, развѣ при ихъ помощи строилась и создавалась Россія? Не мы ли наоборотъ избавили ихъ отъ татарскаго нашествія и отъ наполеоновскаго завоеванія? Не отъ ихъ ли вторженій оборонялась Россія съ запада на протяженіи всей своей исторіи? На нихъ ли намъ нынѣ возлагать наши надежды?

На протяженіи всей своей исторіи Россія строилась *сама* — часто занемтуя, но никогда не завися; учась, но не покоряясь; не принимая шведской помощи даже тогда, когда поляки сидѣли въ Кремлѣ; черпая силы въ собственныхъ нѣдрахъ — въ глубинѣ своей *вѣры* и своего *инстинкта самосохраненія*. Такъ будетъ и нынѣ. Намъ не поможетъ никто. Избавленіе придетъ отъ насъ самихъ.

Избавленіе Россіи будетъ дѣломъ *русскихъ*; и того, чего мы сами не сдѣлаемъ (въ подъяремьи и въ зарубежьи), того не сдѣлаетъ за насъ *никто*. Въ этомъ мы должны быть твердо и окончательно увѣрены; и эта увѣренность должна наполнить наши сердца не чувствомъ унынія, безсилія и беспомощности, а чувствомъ *національной гордости* и *религіозно-государственной ответственности*. Отъ этого бремени мы не можемъ отказаться. Окажемся мы достойными его, или нѣтъ, — оно все равно останется лежать на насъ.

Но для того, чтобы понести его и справиться съ нимъ, мы должны *оживить въ своей душѣ тотъ древній и неизсякаемый инстинктъ національнаго самосохраненія*, который велъ и строилъ Россію на протяженіи столѣтій и спасалъ ее въ самые страшные часы. Мы должны почувствовать себя *сынами* того самаго народа, который поднималъ *такое* бремя и создалъ *такую* державу и культуру въ столь короткое время: того народа, который на зарѣ своей жизни *перемололъ татарву* и который въ расцвѣтѣ своей жизни *безслѣдно перемелетъ коммунистовъ*. Мы должны почувствовать, что въ каждомъ изъ насъ реально живетъ неизсякаемая, безконечно крѣпкая сила русскаго инстинкта, русской чести и русской даровитости. Мы должны

вспомнить, чему насъ научила вся наша исторія: *въ страданіи трезвѣть и молиться; духовно богатѣть, живя въ крайней вѣншиней скудости; побѣждать, отступая; брать врага извodomъ и изморомъ; возрождаться изъ пепла и на костяхъ; и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвѣта.* И эти основы мы должны закрѣпить непоколебимою *вѣрою въ величіе и силу русскаго духа, явленнаго въ нашихъ пророкахъ и геніяхъ.* вмѣстѣ съ Ломоносовымъ мы должны увидѣть и убѣдиться по нашей исторіи, что «Россію самъ Господь блюдетъ»; и вмѣстѣ съ Достоевскимъ мы должны исповѣдать, что «Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ»; но спасетъ именно нашимъ духомъ, нашею вѣрою, нашими руками и, можетъ быть, нашею кровью. И, вѣря въ это и предвидя это, мы должны теперь же вмѣстѣ съ Суворовымъ сказать: «горжусь, что я — Русскій».

Правда, нынѣ Россія въ униженіи. Намъ ли не чувствовать всю остроту этого униженія — и въ нашей собственной выброшенности, бездомности и безправности; и въ поруганіи Кремлевскихъ святынь; и въ соловецкомъ томленіи нашихъ братьевъ и героев; и въ порабощеніи русской науки; и въ извращеніи русской арміи и русскаго суда; и въ поруганіи русскаго семейнаго очага; и въ каждомъ русскомъ безпризорномъ ребенкѣ. Но Россія *была иною и будетъ иною.* И тотъ, кто хочетъ чувствовать себя русскимъ и вести борьбу за свою родину, тотъ долженъ *жить величіемъ прошлаго* и крѣпко *строить величіе будущаго,* преулавливая его черты и готова къ нему себя и своихъ дѣтей. Въ насъ должно ожить, нами должно зажечь бывшее величіе Россіи; не для того, чтобы нами овладѣла *манія самовозвеличенія,* но для того, чтобы пробудились въ каждомъ изъ насъ тѣ силы, которыя Россію создавали и создали.

Болѣе всего намъ необходимо нынѣ *чувство собственнаго національнаго достоинства.*

Суровыя испытанія, посланные намъ, могутъ дѣйствительно казаться подчасъ безмѣрными и непосильными. Но русскому ли народу жаловаться на «непосильность» историческихъ испытаній? Въ этихъ испытаніяхъ *Россія первая изживаетъ и первая изживетъ мировую заразу.* Ею болѣютъ, ею разбѣдаются *все* европейскіе народы, каждый по своему; и каждый изъ нихъ будетъ переживать кризисъ болѣзни и начнетъ буйствовать въ свой срокъ. Но первая справится съ нею Россія. Коммунистическій опытъ будетъ имѣть огромныя послѣдствія: *все* поруганныя и отвергнутыя имъ начала — христіанской вѣры, патріотизма, національности, чести, вѣрности, семьи, частной собственности, монархіи — предстанутъ въ новомъ свѣтѣ, откроются въ новомъ блескѣ, оправданныя, обоснованныя и всенародно принятыя за совѣсть. по свобод-

ному убѣжденію. Въ Россіи идетъ великій процессъ *отрицательнаго опыта и глубиннаго оздоровленія*. И сколько бы лѣтъ ни тянулся еще этотъ процессъ — его исходъ заранѣе предначертанъ и обезпеченъ: *Россія возстанетъ*; и не чужою помощью, не руками тѣхъ, кто ее донинѣ топить или расхищаютъ, а собственной своею силою, молитвенно накопленною въ дремучихъ лѣсахъ.

Вѣрить въ это возрожденіе, неустанно готовить себя къ нему и неустанно работать надъ нимъ — *зоветъ насъ Россія*. Она вѣдь не «гдѣ то тамъ»; она съ нами и въ насъ. Мы не только изъ нея произошли и отъ нея почили; мы *изъ нея состоимъ и ее собою составляемъ*, а она живетъ нами, въ видѣ насъ, живущихъ для нея и ради нея. Но именно поэтому мы носимъ ее въ себѣ, какъ нѣкое безцѣнное сокровище: *все ея прошлое и все ея будущее*. И жестокій опытъ настоящаго не можетъ лишити насъ этого сокровища.

Трудная и черная обстановка, въ которой мы нынѣ живемъ, какъ бы формулируетъ поставленную намъ духовную задачу: утвердить и осмыслить нашу *русскость*, нашъ *патріотизмъ*, нашу *самобытность*, нашу *вѣрность—въ тяжчайшихъ условіяхъ жизни*. Пережить эпоху гоненій — и не только не поколебаться, но закалиться, утвердиться и окрѣпнуть. Принять и низину, и суму, и тюрьму — и соблюсти нашъ огонь и нашу любовь до конца. Увидѣть другія мѣста и другіе народы — и научити ихъ самою нашею національною гордостью *уважать* нашу родину, *читать Россію*, а не презирать ее, какъ «историческій навозъ», и не бояться ея, какъ чуждую и опасную силу. Пусть научатся чтить ее въ нашемъ лицѣ, пока не поймутъ, что *здоровая Россія необходима имъ самимъ для ихъ собственнаго устроенія и равновѣсія*; что только Россія, снѣдаемая изнутри коммунизмомъ — опасна міру, а исцѣленная — она будетъ попрежнему оплотомъ міроваго равновѣсія.

Вотъ почему, разсѣянные и нищіе, мы должны чувствовать себя такъ, какъ чувствуетъ себя странникъ, котораго могутъ и не пріютить, котораго могутъ и не замѣтить, но который таитъ и несетъ въ своей одеждѣ безцѣнное сокровище, коему только не наступилъ еще часъ обнаружиться. Но знаетъ онъ, что этотъ часъ придетъ; и только и мыслить о томъ, какъ ускорить его наступленіе и какъ достойно приготовиться къ нему...

Это сокровище — наша Россія. Никто не замѣнитъ ей насъ: и зовъ ея — изъ прошлыхъ вѣковъ въ будущіе вѣка — звучитъ только для насъ.

Редакторъ.

КЪ РОДНОЙ МОЛОДЕЖИ.

II.

Милые юные друзья!¹⁾

Кончая свое обученіе въ славянскомъ городкѣ, свой Крымскій Кадетскій Корпусъ, русскій Корпусъ, вы просите добраго напутствія... Что скаазть вамъ? Жизнь многому научила васъ, жизнь безъ родины, тоска и боль по родинѣ, все тяжкое, страшное, что выпало вамъ на долю, что вы перенесли и несете съ честью и мужествомъ. Вотъ, выходите вы на новыя дороги — въ высшія ли школы, или — въ практическую жизнь, въ работу... Первое скажу: готовьтесь быть *вѣрными гражданами-сынами Россіи, дѣятельными и честными, крѣпкими въ творчествѣ будущаго строительства*. Россія разорена, опозорена, ославлена, ослаблена, осквернена, растлѣна. Вы знаете, должны знать, чтò тамъ: и потому вы уже знаете, чтò ей нужно. Вы знаете наше прошлое. Вы знаете, на чемъ стоитъ и строится добрая, *человѣческая жизнь*. Знаете и другое: какъ убивается эта жизнь. Вы должны знать, что лишь силами *всего* народа, ведомага достойнѣйшими и сильными, строится и благоденствуетъ, и хранить честь свою всякое христіанское государство. Такъ было и съ Россіей. И еще вы знаете, видѣли своими глазами и выстрадали сердцемъ: народъ, ведомый разрушителями, осквернителями божескихъ и человѣческихъ законовъ, падаетъ и духовно умираетъ, а добытое вѣками, чудесное. — обращается въ пыль и грязь.

Вамъ выпадаетъ на долю заново строить, возсоздавать и охранять Россію, истинную, *свою*, Великую Россію. Снова, какъ-будто, приходится *начинать русскую исторію*. Значить, прежде всего, надо быть сильными, надо быть государственными, російско-государственными, національными, имѣть вѣрную цѣль, имѣть идеалы совершенства, хранить въ душѣ и въ умѣ тотъ Ликъ, ту свѣтлую Россію, какую хотите ее видѣть, какую носили ее въ сердцахъ лучшіе изъ ея сыновъ — гении ея, о которыхъ вамъ говорить священная наша лѣтопись. Ваша школа, конечно, вложила въ ваши юныя души, показала вамъ этотъ былой, чудесный, нынѣ столь искаженный Ликъ. Вы должны оживить его, возсоздать: раскрывать, обновлять, охранять. Вы — мужчины, вы — русскіе, съ великою кровью пред-

¹⁾ Отвѣтъ на письмо воспитанниковъ выпускнаго класса Крымскаго Кадетскаго Корпуса (Югославія). См. «Русскій Колоколъ», кн. VI.

ковъ, великихъ предковъ, создавшихъ Великую Россію изъ пустыря, раскинутого на четверть міра. И вотъ, выпадаетъ вамъ — быть воинами - строителями, какъ встарь. Отъ всего сердца желаю вамъ крѣпости духа и тѣла, *выработки характера*, непреклоннаго, дѣятельнаго, увѣреннаго, настойчиваго, несокрушимаго. Прежняя русская интеллигенція — это мы знаемъ и по твореніямъ лучшихъ нашихъ писателей, и по исторіи общественности русской, и по разгрому Россіи, — была часто безвольна, мечтательна, жила миражами и полетами легкой мысли. смотрѣла часто *поверхъ* Россіи, знала Россію мало, искала вождей *въ чужомъ*, — и довела Россію, помогла довести Россію до провала, не сумѣла себя использовать *для* Россіи, при всѣхъ дарованіяхъ своихъ, при всѣхъ чудесно-благоприятныхъ средствахъ великаго народа. Выковывывайте себя въ російскихъ гражданъ, въ *стальныхъ мужей*. Передъ глазами у васъ много примѣровъ достойнѣшихъ, много такихъ испытанныхъ, кого возьмете въ примѣръ, — Бѣлая Армія Россіи съ ея вождями, погибшіе доблестно герои, великіе духомъ мужи, какъ, на примѣръ, — мученикъ, великій гражданинъ Россіи — князь Павелъ Долгоруковъ! И еще, второе, важнѣйшее, помните: узнавайте и научайтесь любить душу народа нашего, узнавайте, ищите ее и въ его исторіи, и въ изображеніяхъ ея, — подлинной, русской души народной — въ твореніяхъ нашихъ писателей — великихъ! Узнавайте народъ, его достоинства и его слабости: съ нимъ вамъ придется работать, воссоздавать Россію.

Между русской общественностью и очень часто между русской Властью и народомъ — не было духовной связи, не было національной спайки, и потому героическое дѣло лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ сыновъ Россіи, въ минуту смертельной опасности, дѣло спасенія, дѣло героевъ, жертвовавшихъ собою безоглядно, не дало видимаго плода, не отвоевало Россіи отъ ложныхъ вождей, отъ исчадія ада. Обманутый, увлеченный посулами, сбитый съ толку народъ, не познавшій *общаго*, своего, національнаго, не помогъ истиннымъ сынамъ Россіи, лучшимъ изъ своихъ братьевъ, и понесъ — и не по своей винѣ! — страшнѣйшую изъ страшнѣйшихъ кару: вы знаете, въ какихъ тискахъ, въ какомъ разореніи и угнетеніи, въ какой грязи и въ какомъ безчестіи теперь нашъ народъ, ненавидящій самозванныхъ правителей — насильниковъ изъ невѣдомаго ему, таинственнаго Третьяго Интернаціонала! И потому, говорю вамъ отъ сердца, — учитесь быть близкими народу, учитесь съ народомъ быть и дѣлать, когда наступитъ пора; полюбите его — вы изъ него же вышли! — поймите его темноту, его тоску и стыдъ — да, онъ въ тоскѣ и стыдѣ, только не говоритъ объ этомъ! — не вмѣняйте ему страданій вашихъ, страданій за

Россію: онъ неповиненъ, русскій народъ, трудовой народъ, въ безчестіи Россіи. Онъ безответственъ. И еще помните: онъ — великая сила, онъ — страшная сила, которая *все* можетъ! Если коммунисты, болшею частью чужіе ему по крови, посулами и ложью и разжиганіемъ ненависти такъ долго его водили и держали въ ярмѣ, и онъ волей-неволей помогалъ имъ, то *что* же будетъ, если вы, кровные его, будущіе его водители — а вы получите это право, вы, молодое поколѣніе, ибо явитесь передъ нимъ *своими*, образованными, культурными, братьями, — что же будетъ, если, понявъ свой народъ и сумѣвъ раскрыть въ немъ чувства познанія своей родины, *своей* Россіи, — а оно уже рвется изъ него тоскою и стыдомъ! — *что* будетъ, какой *взрывъ энергіи* творящей, *величайшихъ подспудныхъ духовныхъ силъ* обявится въ народъ нашъ!

Вспомнимъ нашу исторію, тѣ черныя годы, когда получая и находя вождей достойныхъ, народъ нашъ *длалъ* свою исторію, сбивалъ пришельцевъ-насильниковъ, заполнялъ и живилъ пространства, подымалъ испепеленную Россію изъ праха въ блескъ! Вамъ предстоитъ великая, чудеснѣйшая работа: поднять, сотворить Россію! Нашъ народъ — *великій* народъ! Это — въ его исторіи. Въ народѣ нашемъ силы несокрушимыя. Смотрите: *жива* Россія! Народъ, безъ вождей, въ ярмѣ, — и онъ отстоялъ *свое*, инстинктомъ своимъ, духомъ своимъ отстоялъ самое главное, безъ чего онъ не смогъ бы жить: Бога! *Народъ отстоялъ Церковь*. Народъ отстаиваетъ и свое другое: *землю*! Живъ русскій крестьянинъ, какъ ни изводили его, какъ ни обираютъ его, какъ ни губили голодомъ, какъ ни старались ввести въ ярмо и обратить въ скотину. Народъ-земледѣлецъ — на землѣ, со своимъ укладомъ, со своимъ бытомъ, со своимъ *правомъ*, неписаннымъ, со своимъ рускимъ духомъ, со своими святынями, со своими небесными Вождами, съ Сергіемъ и Николой, съ Царицею Небесной, съ Ильей-Пророкомъ, со *своей* совѣстью, со *своимъ* *покаяніемъ*, со *своей* *чистотой въ грязи*, со своей вѣрой въ Россію, въ безсмертную, вѣчную Россію, — *живъ*! Онъ, крестьянинъ, мужикъ, онъ одинъ — весь, какъ одинъ, — *сохранилъ внутренний*, скрытый отъ злыхъ, *нетланный, священный Ликъ*, не зная даже о немъ, но *чуя* его, *нося* его *въ себѣ*! Смотрите: *подспудно, жива* Россія! Развѣдающій коммунизмъ—его лишь оцарапалъ, великана. Народъ заживитъ царапины. Для него, ибо онъ *смотритъ въ вѣка* и время считаетъ по-своему, по *вѣчной* землѣ своей, для него *все это* — только царапины. Онъ *не знаетъ* былого, онъ слишкомъ богатъ внутри и потому намъ видимое, нами оплакиваемое, для него, считающаго на крупныя, — *это все страшное* — лишь царапины. По немъ равняться приходится, его психологию брать за мѣрку и не падать духомъ! Съ нимъ стронуть, съ нимъ вѣрить надо! Начинать,

не страшась, артелью, всенародно, съ Богомъ! И онъ — покажетъ себя, онъ горы сдвинетъ, онъ тотъ же, двухсотмилліонный будетъ, онъ *все* воздвигнетъ, и воскреситъ, и подаритъ, воротитъ Россіи геніевъ! Вы сами это увидите, вѣрю я. Вы увидите: *сброситъ ярмо народъ и быстро залычить язвы*. И вотъ, намъ тогда придется стать первой культурной смѣной. бокъ-о-бокъ съ талантливѣйшими. съ сильнѣйшими изъ него, изъ цѣлаго народа, съ *достойнѣйшими* изъ его сыновъ, съ вашими братьями по крови. быть можетъ даже, съ *былыми грѣшниками*, — придется быть признанными его водителями. Народъ бросится къ тѣмъ, пойдетъ крѣпко за тѣми, которые покажутъ ему чудеснѣйшее — *познаніе своей, свѣтлой, живой Россіи, чуждый Ликъ Ея*. Съ тѣми пойдетъ онъ. кто возьметъ въ полонъ его душу, разбудитъ въ немъ народную его *гордость*, сознаніе своей, русской, *національной мощи*, кто великую потребность его утолитъ — оправдаться же, наконецъ. передъ цѣлымъ свѣтомъ. показать себя! Нашъ народъ гордъ. онъ *можетъ* быть свято гордымъ достойно гордымъ! Нашему народу *все* доступно, до самыхъ тончайшихъ чувствъ, лишь бы его *раскрыть!* Такимъ знаютъ народъ, чуютъ народъ. такимъ показали намъ величайшіе наши писатели. *Россія догонитъ міръ! Съ такимъ народомъ — догонитъ и обгонитъ*. И вамъ придется участвовать въ этомъ славномъ. въ этомъ чудесномъ *блѣтъ* — на силу, на ловкость, на *правду*, на *геройство*, на высокое. русское, на гражданство, на *достойнѣйшее*, оправданное исторіей. мѣсто въ мірѣ. *великодержавное!*

Вы идете учиться дальше? Идите радостно и вольно, идите съ вѣрой: великое дѣло ждетъ васъ: Россію ставить, Россію вести. Россію охранять съ боемъ! А съ такимъ народомъ, какъ нашъ, — вы это знаете отъ боевыхъ отцовъ вашихъ. вы это знаете изъ свѣтлыхъ страницъ исторіи, — *съ такимъ народомъ можно творить чудеса*. И *будутъ* чудеса. И вы будете участвовать въ чудесахъ этихъ. И будете сами творить чудеса эти — со всѣмъ народомъ. въ братствѣ-отцовствѣ съ нимъ. Вы своими познаніями. опытомъ страданій. чуткостью душевной. добытой муками. вы сумѣете отворить подпочвенныя силы и дать имъ ходъ. И будетъ прекрасная, сильная. крѣпкая. чистая, *бллая* Россія!

Разсѣянная по чужимъ народамъ, — смотрите! — наша нищая молодежь и сейчасъ творитъ чудеса! Тысячи кончили университеты, техникумы. военныя школы, работаютъ руками и мозгомъ, выковываютъ волю. познаютъ всякіе народы и могутъ посравнить и сдѣлать выводы. Приобрѣтаютъ важныя навыки. Новому поколѣнію нашему, вамъ, друзья мои, суждено быть *бывалымъ*, необычайнымъ. по міровому опыту, поколѣніемъ Россіи. Ни одинъ народъ. имѣющій государственность. не имѣ-

еть такого опыта, такой судьбы. Съ такимъ поколѣнiемъ, которое живымъ выйдетъ изъ гноя и тлѣна коммунизма, которое прошло всѣ страны и народы и *не погнулось, не потеряло человеческого лика и русскаго духа*, которое *крѣпко волей*, которое — стальное, — — съ такимъ поколѣнiемъ Россiя явится именно, той «птицей-тройкой», которая умчится, и не въ неизвѣстное куда-то, а *по вѣрно проложенной дорогѣ*. И будутъ «въ священномъ трепетѣ» взирать на нее народы, — по слову провидца Гоголя. «Русь, куда мчишься?» *Знаетъ Она*, — куда. Будетъ знать. Къ — Солнцу! Къ Солнцу Правды, всечеловѣческой, ибо уже познаетъ она *свое*, отстоитъ, впитаетъ; — и не страшнымъ, а благодатнымъ для Нея станетъ — *всечеловѣческое!*

Привѣтствую васъ, юные, крѣпкіе, сироты безъ Родины, — сироты пока, до срока, до близкаго срока... — не склонившихся подъ напоромъ бѣды, а твердо идущихъ — *дальше!* Идите съ Богомъ, *Россiя будетъ!* Вы для Нея живете для Нея страдали, и Ее вы получите въ награду и въ работу, воссоздадите, укрѣпите, — и сумѣете защитить, вы добрая, сильная, славная наша молодежь!

Ив. Шмелевъ.

21 мая (3 iюня) 1928 г.
Севръ.

МУЗЫКА МЕТНЕРА.

«Музыкальная мысль это мысль, высказанная умомъ, проникающимъ въ самую суть вещей, вскрывающимъ самую затаенную тайну ихъ, именно — мелодiю, которая лежитъ сокрытая въ нихъ».

Карлейль.

Человѣкъ слушаетъ музыку не однимъ внѣшнимъ слухомъ, но гораздо болѣе слухомъ своей души и своего духа. Недостаточно «слышать» внѣшніе звуки; надо, чтобы они вошли въ душу, овладѣли ею, — чтобы душа ихъ зацѣла. Но и этого мало: надо, чтобы отъ этого цѣлiя вострепеталя духовная глубина человѣка, та, которая молится, прозрѣваетъ и творитъ; и, вострепетавъ, начала молиться, прозрѣвать и творчески внимать звукамъ. Тогда только музыка дѣйствительно осуществляется въ жизни, какъ *художественное* и *магическое* событіе; тогда человѣкъ можетъ сказать, что онъ *слушалъ* и *слышалъ* эту музыку.

И, Боже мой, сколько радости, умудрѣнiя и цѣленiя предстоитъ тому, кто *услышитъ* музыку Метнера, этого самобыт-

наго и глубочайшаго русскаго художника¹⁾. Какое богатство духовнаго содержанія откроется ему; какіе потоки иѣннїя омоютъ его душу; какіе ритмическіе образы и событія захватятъ его; какими молитвами прозрѣнїя и благодарности обогатится его духъ! . .

Быть можетъ, все это откроется ему не сразу; особенно, если онъ привыкъ слушать музыку ради чувственнаго опьяненїя звуками, или аналитически разлагать ее, не предаваясь ей, или еще — если сложное и богатое голосоведеніе не раскрывается ему сразу, а отъ концерта онъ ждетъ только празднаго отдыха и легкой забавы. Но, если онъ слушаетъ музыку *поющей* душой и инцуцимъ *духомъ*; если онъ понимаетъ, что настоящее искусство не снижается и не льститъ, что оно выравѣ требуетъ извѣстныхъ усилій и углубленїя; если онъ знаетъ, что Пушкина и Шекспира надо перечитывать по многу разъ, а Баха и Бетховена слушать безъ конца, для того, чтобы дѣйствительно началось цѣленіе и умудреніе, — то онъ можетъ быть увѣренъ, что величайшее довѣріе къ музыкѣ Метнера и неутомимое вслушиваніе въ нее обезпечитъ ему неопѣнимую награду. Каждое слѣдующее слушаніе или самостоятельное проигрываніе дома (хотя бы при слабой техникѣ) дастъ ему новую красоту и глубину. Эта музыка подобна книгѣ, которую никогда не дочитаешь, и которую полюбляешь тѣмъ болѣе, тѣмъ чаще ее читаешь; — книгѣ, которая, радуя, учитъ; уча, облагораживаетъ душу; и облагораживаетъ душу именно тѣмъ, что говорить всегда о *самомъ главномъ* и говорить *необходимое и главное*.

Въ первый разъ музыку Метнера лучше всего слушать въ его собственномъ исполненїи. Оно до такой степени выразительно и одухотворено, и, въ то же время, властно и законченно, что овладѣваетъ душой даже при большой развлеченности и утомленности. Оно не «излагаетъ» и не «разсказываетъ», а скорѣе «показываетъ»; но показываетъ не картинно, а скульптурно или архитектурно, какъ живое пластическое событіе. Однако, скульптура и архитектура даютъ всего одинъ мигъ, неподвижно закрѣпленный навсегда; а музыка даетъ жизнь и дѣйствіе. И вотъ, — слушавшіе Метнера знаютъ это состояніе, — музыка его, исполняемая имъ самимъ, заставляетъ пережить присутствіе особой, *объективной* и *живой реальности*, ко-

¹⁾ Н. К. Метнеръ родился въ Москвѣ въ 1880 году. Окончилъ Московскую Консерваторію по классу В. И. Сафонова въ 1900 году. Первое сочиненіе его появилось въ 1902 году. Въ 1907—1908 г. и въ 1915—1921 г.г. былъ профессоромъ Московской Консерваторїи. Съ 1921 г. живетъ заграничїи, нынѣ подъ Парижемъ. Печатался у Юргенсона, Бѣляева и въ Россійскомъ Музыкальномъ Издательствѣ; нынѣ печатается у Циммермана (Лейпцигъ). Доселѣ напечатанъ 51 опусъ. Кроме Россїи концертировалъ въ Польшѣ, Германїи, Франціи, Англии и Америкѣ.

торая живетъ не въ немъ (хотя, конечно, — прежде всего въ немъ), но и не въ насъ (хотя, несомнѣнно — вотъ, и въ насъ)... Какъ будто выступаетъ и развертывается нѣчто третье, главное, наряду съ чѣмъ все остальное меркнетъ и забывается, — нѣкая *властно и законченно выговаривающая себя сила*, диктующая вамъ въ душу свою волю, свой ритмъ, законъ и судьбу своего бытія. Вы прикованы и потрясены; вы еще «спрашиваете» и уже покорились; эта сила уже проникла въ васъ и выльѣпливаетъ изъ васъ новый способъ жизни; затаивъ дыханіе, вы начинаете ждаты ея развитія и ея завершенія, какъ *своей судьбы*... Но вотъ финальное разрѣшеніе — и вы стоите передъ событіемъ, вторгшимся въ вашу жизнь, стрясшимся въ ней, передъ выжженнымъ въ вашей душѣ властнымъ и мудрымъ музыкальнымъ реченіемъ: «такъ есть», «такова необходимость», «такъ виждь, страдай и ликуй...» И можетъ быть, слушая въ первый разъ, вы невольно спросите себя: «что это было? развѣ это бываетъ? развѣ такъ... можно?» — съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же и разъ навсегда понять, что это-то и есть настоящее искусство: *духовная одержимость, нашедшая себѣ точный и прекрасный языкъ и художественное исполненіе*.

Слушая Метнера, вы поймете и повѣрите, что настоящее искусство владѣетъ *магическою* силою, властною и грозною, способною разверзаты души и «отверзаты зѣницы» (Пушкинъ)²⁾. Вы поймете, какъ велика *ответственность* художника и какая сила *цѣломудреннаго трезвенія* необходима ему для того, чтобы говорить на языкѣ «озаренія и боговъ». Вы повѣрите разъ навсегда, что музыка есть не забава, а *служеніе и молитва*, въ которой «Самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными» (Римл. VIII. 26). И тутъ, можетъ быть впервые, откроется вамъ все ничтожество и безсиліе современнаго («модернистическаго») искусства, сладострастнаго и безформеннаго, но крикливаго и притязательнаго³⁾.

Да, музыка Метнера поетъ о *главномъ* и говорить о немъ *необходимое и священное*⁴⁾. Она поетъ о самомъ страшномъ и послѣднемъ; но то, что она поетъ о немъ — *благодатно и побѣдно*.

²⁾ Срв. особенно исполненіе имъ Сонаты F-mol opus 5; Трагическиххъ Отрывковъ A-mol и G-mol opus 7; двухъ Сказокъ C-mol opus 8; Сонаты C-dur opus 11; двухъ Сказокъ B-mol и H-mol opus 20; Сонаты E-mol opus 25; Сонаты-Баллады Fis-dur opus 27; Сказки Gis-mol opus 31; Концерта C-mol opus 33; Сказокъ C-dur и Cis-mol opus 35; Трагической Сонаты C-mol opus 39 и др.

³⁾ См. статью «Кризисъ современнаго искусства» въ № 2 «Русскаго Колокола». О сущности и атмосферѣ модернизма въ музыкѣ въ русской литературѣ имѣется замѣчательная книга Вольфинга: «Модернизмъ и Музыка». Москва, 1912 г.

⁴⁾ Это не значитъ, что сочиненія его «программны» въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. что авторъ пытается «помочь» немзыкальному слушателю, «подсказывая» ему зрительные образы или драма-

Пушкинъ, Гоголь, Тютчевъ и Достоевскій знали путь русской души и понимали ея заданіе. Вѣи, отъ природы отзывчивой и страстной, судьба искони дала испытать — и вседозволяющій просторъ, и лѣсную дебрь и чудъ, и зимніе сны, и весеннее половодье, и хаосъ мятели, и безуміе вѣтра. Она испытала это все, она приняла все это въ себя; и стихіи мірового естества стали сродни ей. Въ ней самой вострепетала и раскрылась *бездна*; и *мятежъ* сталъ ея вѣчнымъ соблазномъ. Отсюда ея безпредѣльный размахъ, предначертывающій ей заданіе *запредѣльнаго взлета*: ибо *бездну цѣлить только Господь*.

Но не тѣмъ цѣлить Онъ ее, что «запрещаетъ» ей, какъ Христосъ иногда, жалѣя людей, запрещалъ бѣсамъ; и не тѣмъ, что подавляетъ или убиваетъ ее, какъ св. Георгій дракона: запретъ и подавленіе могутъ лишь *временно облегчить* муку, но не могутъ *исцѣлить язву міра*. Онъ цѣлить ее тѣмъ, что, таинственно нисходя въ нее («во Адъ»), — *вызываетъ въ ней самой исконную жажду осанны*.

Русской душѣ *отъ природы* дана эта разверстая бездна, эти зовы «древняго» и «родимаго» хаоса (Тютчевъ), эта «безглагольная рѣчь» стихій (Баратынскій). Слабымъ — соблазнъ и гибель; сильнымъ — заданіе и обѣтъ. И сильная русская душа всегда исходила *отъ самаго страшнаго* и искала *самаго высокаго* и *послѣдняго*, въ глубокой бессознательной увѣренности, что осанна *не* изъ бездны — *неокончательна, нецѣльна и неисцѣляюща*. Русскій творческій геній ищетъ не солнца *надъ* бездною, не *рая послѣ* ада и въ *противоположность* аду (Данте); изъ этого онъ исходитъ, съ этого онъ *начинаетъ* . . . Онъ ищетъ солнца *въ* безднѣ и *изъ* бездны; и — то обрѣтая его (Пушкинъ, Тютчевъ), то не обрѣтая его (Гоголь, Достоевскій, Лермонтовъ, Врубель), не успокаивается ни на чемъ иномъ . . .

тическіе сюжеты (напр., «буря на морѣ», или «Франческа и Паоло» и т. д.). Однако, въ извѣстномъ, *углубленномъ* и *уточненномъ* смыслѣ, *всякая* музыка, — отъ элементарной народной пѣсни до отвлеченной и «безпрограммной» симфоніи, — *имѣетъ программу*, т. е. нѣкое пропѣтое *душевно-духовное содержаніе, определенное*, при всей его словесной невыразимости, *завершенное*, при всей его таинственности и безобразности, какъ бы *сказуемое духовное тѣло*. И никакія ссылки на «иррациональность» и «отвлеченность» музыки (теорія Хапеллика и другія) не могутъ ничего измѣнить въ этомъ, ибо содержаніе, недоступное для мысли, остается *содержаніемъ* и притомъ *опредѣленнымъ* содержаніемъ (но «опредѣляется» оно не мыслью и не словомъ, а чувствомъ и духомъ); и самая «отвлеченная» музыка — отвлечена отъ мыслей и чувственныхъ образовъ, *а не отъ своего собственнаго, ею самаю сказуемаго содержанія*. Музыка глубока, но *точна* и *опредѣлительна*; ея опредѣленія — не логическія и не словесныя, но они *зрѣлы* и *завершенны*. Безсодержательная музыка — есть *нелѣпость*: все равно, что «узоръ безъ рисунка», что «скульптура безъ плоскости»; — футуристическій наборъ звуковъ вмѣсто стихотворенія: пляска св. Витта вмѣсто танца.

И какъ могъ бы онъ не принять духовный опытъ своего народа, какъ могъ бы онъ не поднять и не понести его бремя? Какъ могъ бы онъ успокоиться на наивной лучезарности греческаго Олимпа? На дѣтской святости Фра Беато Анжелико? На благоуханныхъ идилияхъ Моцарта? На наивномъ благородствѣ Шиллера или на мудрой наивности Бетховена? Какъ могъ бы онъ успокоиться въ мирѣ, гдѣ предки задыхаются отъ черныхъ грѣховъ своего потомка и гдѣ въ адской пропасти «мертвецы грызутъ мертвеца»?.. (Гоголь). Но можетъ ли онъ восхотѣть *меньшей* лучезарности, *меньшей* святости, *меньшаго* благородства и *меньшей* мудрости: вѣдь онъ ищетъ *солнца изъ бездны, формы въ хаосъ, закона для вседозволенности, власти надъ дэбрью, пророчества въ безуміи*...

Русскій творческій геній ищетъ *цѣленія міру*. Его творчество есть молитва *о дарованіи благодати мраку*. Можетъ ли онъ отойти отъ этого заданія, если оно силою судебъ вросло въ его *національное* естество?.. Но можно ли вообще поднять это бремя? Посильно ли оно человѣку безъ Божьяго озаренія и окрыленія? И мудро ли, что духовно слабые, пытаясь поднять это бремя, срываются въ бездну (Скрябинъ и весь русскій музыкальный и поэтический модернизмъ)? И не естественно ли, что подлинныя русскія достиженія учительны и водительны для *всего* человѣчества?..

Въ этихъ великихъ и страшныхъ традиціяхъ русскаго духа и русскаго искусства живетъ и дышетъ музыка Метнера. И живетъ — *побѣждая*. И сама чувствуетъ свою силу и побѣдоносность; и радостнѣе всего поетъ о *благодати* ⁵⁾ и *побѣдѣ*.

Метнеръ — ясновидецъ дэбри, хаоса и бездны ⁶⁾. Они открыты ему, а его душа доступна имъ. Но никакими соблазнами они его не заражаютъ: ни соблазну *идеализаціи*, ни соблазну *подмѣны*, ни соблазну *смѣшенія* не подвержена его

⁵⁾ Срв. «Ангель» Лермонтова, романсъ, opus 1, № 1; третью часть Сонаты F-mol opus 5 — Largo divoto; Сонатную Тριάду opus 11; «Одиночество» Гёте, романсъ, opus 18, № 3; «Я потрясенъ...» Фета, романсъ, opus 24, № 5; Соната-Баллада opus 27; «Муза» Пушкина, романсъ, opus 29, № 1; «Воспоминаніе», романсъ, opus 32, № 2; Сказка D-mol opus 34, № 4; Сказка C-dur opus 35, № 1; «Ангель» Пушкина, романсъ, opus 36, № 1 и др.

⁶⁾ Срв. opus 1, № 5, Andante; opus 2, № 3, Scherzo infernale; opus 5, вторая часть Сонаты Allegro, C-mol; opus 6, № 3, «Elfenliedchen» Гёте, романсъ; opus 15, № 7, «Meeresstille» Гёте, романсъ; opus 20, № 2, Сказка H-mol, Minaccioso; opus 22, Соната G-mol; opus 24, № 1 и № 4 «День и Ночь» и «Сумерки» Тютчева, романсы; opus 25, № 2, Соната E-mol (съ эпиграфомъ изъ Тютчева: «О чемъ ты воешь вѣтръ вѣтръ ночной...») Пушкина, романсъ; opus 34, № 1, Сказка H-mol и № 3, Сказка A-mol, Allegretto tenebroso; opus 35, № 4, Сказка Cis-mol; opus 37, № 1, № 4, № 5, «Безсонница» Тютчева, романсъ; «Вальсъ» Фета, романсъ; «О чемъ ты воешь...» Тютчева, романсъ; opus 38, № 7, Danza Silvestra; и др.

душа. Энергія его духа выносить и вынесла все то, отъ чего уже погубло и еще погубнетъ столько слабыхъ душъ. Хаосъ не разложилъ его и бездна не поглотила его. Напротивъ, онъ *заклялъ ихъ и овладѣлъ ими*. И вотъ, дебрь покорилаь его ритму; и хаосъ запѣлъ дивныя, молитвенныя мелодіи; и бездна озарилась и гармонизовалась.

Я знаю, что этому трудно повѣрить; это надо испытать и пережить. Надо самому услышать душою и духомъ это *орфическое закланіе темныхъ силъ и ихъ преображеніе*: эти перво-здалшныя гармоніи неподвижной морской бездны⁷⁾; этотъ та-нець воздушной нѣжити, легкомысленно проснувшейся и томящейся въ глубокомыслии мірового сна⁸⁾; эти вои, вздохи и стоны вѣтра, молитвенно пропѣтые въ сонатной формѣ⁹⁾; этотъ «темный языкъ» «зовущей и пророчащей» ночи¹⁰⁾; эти неопиcуемые, миѳическіе ритмы, въ которыхъ сказочная нечисть пытается излить свою душу, пытается любить, плясать и участвовать въ солнечномъ праздникѣ Орфея¹¹⁾; эти взрывы мрачнаго ронота, почти кощунства, преображающагося въ сѣрафическіе хоралы¹²⁾; это магическое и благодатное сляніе съ безпредѣльностью сумеречнаго міра¹³⁾; это тютчевское откровеніе о «пылающей безднѣ» и «звѣздной славѣ»...¹⁴⁾ Здѣсь ночныя стихіи міра и души находятъ свой музыкальный языкъ: онѣ *поютъ*, онѣ слагаютъ *гармоніи*, онѣ несомы могучими и законченными *ритмами*. Музыкальное просвѣтлѣніе хаоса дается и осуществляется — *имъ самимъ*. Бездна раскрывается со всѣми ея «страхами и мглами» и сама поетъ — свои вихри, угрозы и томленія¹⁵⁾. Это потрясающе — слышать хоралы стихій, гармонію безднъ и ритмы хаоса; потрясающе и благодатно: ибо нѣтъ строя и закона болѣе строгаго, чѣмъ музыкальный, а *музыка есть даръ Божій, есть живой голосъ осанни, данный человеку свыше*. И внять *осанну хаоса* — есть для чело-вѣка высшая радость и глубочайшее утѣшеніе...

Музыка Метнера какъ бы говорить, утверждая и удостовѣряя: «слушайте! и самая бездна томится по благодати — по солнцу, по закону, по гармоніи! и самой безднѣ — благодать дана таинственно и творчески!...» Стонетъ и томится тварь; томятся и стонуть «преисподняя земли»... Но кто вѣрно,

7) Opus 15, № 7, «Meeresstille», Гёте, романсъ.

8) Opus 6, № 3, «Elfenliedchen», Гёте, романсъ.

9) Opus 29, № 2, Соната E-mol.

10) Opus 25, № 3, «Стихи, сочиненные ночью во время безсонницы», Пушкина, романсъ.

11) Срв., напр., Сказки: opus 34, № 1, H-mol и № 3, A-mol: opus 38, № 7, Danza silvestra.

12) Соната opus 5, Allegro и Largo divoto.

13) Opus 24, № 4, «Сумерки» Тютчева, романсъ.

14) Opus 45, № 3, «Какъ океанъ объемлетъ...» Тютчева, романсъ.

15) Opus 24, № 1, «День и ночь» Тютчева, романсъ.

предметно вслушивается въ этотъ стонъ и въ это томленіе, тотъ услышитъ въ нихъ первозданное пѣніе, гармонію и ритмъ...

Именно — *первозданное*. Музыка Метнера изумляетъ и радуется не только богатствомъ своихъ мелодій, ихъ разливомъ, ихъ долгимъ, какъ бы неисчерпывающимся дыханіемъ¹⁶⁾; но и ихъ неизъяснимою *первоначальностью*. Здѣсь возможны даже прямая иллюзія и ошибки: такъ, иногда можетъ казаться, что вы слышали эту мелодію... Но гдѣ? когда? отъ кого?.. Въ дѣтствѣ?.. Во снѣ?.. Въ бреду?.. Вы напрасно будете ломать себѣ голову и напрягать свою память! Вы ея не слышали, *нигдѣ* и *никогда*: въ человѣческихъ ушахъ она появилась впервые... Но вы, какъ будто, «долго ждали» ее; и «ждали» вы ее потому, что вы «знали» ее *не въ звукъ, а въ духъ*. Ибо *духовное содержаніе* этой мелодіи — общечеловѣчно, исконово, первозданно; и безъ конца томилось о томъ, чтобы въ пѣннѣ разрѣшить свою связанность. И вотъ, — оно разрѣшилось въ широкую, поддонную, изъ *древней глубины* льющуюся и безконечно простую мелодію... Какъ будто запѣло въ насъ *вѣковое* томленіе нашихъ предковъ... Или, какъ будто *предвѣчные* напѣвы и хоралы, слышанные нами до рожденія и сохранившіеся въ насъ въ видѣ «чудныхъ желаній»¹⁷⁾, нашлись и наконецъ пропѣлись въявь¹⁸⁾. И пропѣлись въ величайшей простотѣ и цѣломудріи...¹⁹⁾

Да, эта музыка *цѣломудренна*: она не дразнить, не заываетъ на сладость, не гонится за эффектомъ; она ничему не потакаетъ; она абсолютно не демагогична. Напротивъ, она въ лучшемъ и духовномъ смыслѣ глубоко *аристократична*. Она

¹⁶⁾ Творческую силу мелодіи правильнѣе всего измѣрять льющеюся долгою ея дыханіемъ, и ея способностью къ самораскрытію и видоизмѣненію. Таково мелодическое богатство Баха и Бетховена; таково многое у Шопена (см. хотя бы его Фантазію) и у Рахманинова (напр., *Moment musical opus 16, № 3, B-mol*; первая тема второго и третьяго Концертовъ и др.). Срв. у Метнера: *opus 1, № 1*; вторая тема сонаты *opus 5*; Сказка *B-mol, opus 20, № 1*; Сонату *G-mol opus 22*; *opus 24, № 4* и *№ 6*; Сонату *opus 25, № 1, C-mol*, темы первой и особенно второй части; Сказку *opus 26, № 3, F-mol, Narrante*; Сонату-Балладу *opus 27, Fis-dur*; Импровизацію *opus 31, № 1, B-mol*; Первый Концертъ *opus 33, C-mol*; Сказку *opus 34, № 2, E-mol*; Романсъ «Ночь» Пушкина, *opus 36, № 5*; *Sonata reminiscenza, opus 38, № 1*; и другое.

¹⁷⁾ «Ангель» Лермонтова, романсъ, *opus 1, № 1*.

¹⁸⁾ Срв., напр., «На озерѣ» Гёте, романсъ, *opus 3, № 3*; *opus 8, № 2*, Сказка *C-mol*, вторая тема: *opus 9, № 2* и *№ 3*, Сказки *C-dur* и *G-dur*; Соната *D-mol, opus 11, № 2*; «Einsamkeit» Гёте, романсъ, *opus 18, № 3*; основную тему «Сумерекъ» Тютчева, *opus 24, № 4*; основную тему «Только встрѣчу улыбку твою...» Фета, *opus 24, № 6*; *opus 25, № 1*, Соната *C-mol*, тема второй части; *opus 30*, Соната *A-mol*, вторая тема; Сказка *C-dur, opus 35, № 1*; *opus 36, № 3*, «Лишь розы увядаютъ...» Пушкина, тема романса; и другое.

¹⁹⁾ Срв., напр., особенно: вторую тему Сонаты *C-dur, opus 11*; или вторую тему Сонаты *G-mol, opus 22*; или Сказку *G-dur, opus 9, № 3, Allegretto vivo, odoroso*.

всегда сдержана строгой, внутренней необходимостью; мало того, она часто дышет прямою *отрешенностью*: какъ бы молитва міра, идущая къ Богу *мимо* человѣка и мимо поднимаемой имъ душевно-личной и общественной пыли...

Музыка Метнера сочетается въ себѣ *подлинную стихійность* (хочется сказать — *неистовость*) съ кованой, *завершонной необходимостью*.

Но и этому не слѣдуетъ вѣрить на слово; въ этомъ надо удостовериться самому. И духовно-музыкальный анализъ темъ, тональностей, гармоніи, ритмовъ и контралунктовъ — вплоть до этихъ *паузъ*, насыщенныхъ зарядами задыхающагося отчаянія или требованія²⁰⁾, вплоть до малѣйшихъ форшлаговъ или съ виду «случайнаго» бекара, таинственно превращающаго миноръ покаянія и отчаянія въ мажоръ прощенія и утѣшенія²¹⁾ — обнаружить и подтвердить глубокомысленную художественность его музыкальной ткани. Въ ней *все* необходимо. Да и можетъ ли быть иначе, если беззаконная бездна дана, а ея благодатное преображеніе *задано*?

Однако, это преображеніе отнюдь не формально — ни въ смыслѣ духовномъ, ни въ смыслѣ чисто музыкальномъ. Музыкальная форма модернизма, какъ извѣстно, не выдержала безбожнаго заигрыванія съ хаосомъ и сладострастнаго кокетства съ инстинктомъ: она треснула и разложилась. Но музыкальная форма Метнера выдержала напоръ стихій; и сумасшедшіе смерчи и мятежи безсознательнаго не только не разложили ея, но творчески *покорились ей*. Это объясняется (помимо его исключительнаго духовно-музыкальнаго дарованія) тѣмъ, что музыка его, по истокамъ своимъ, *цѣломудренна* (даже въ самой страсти) и до конца *религіозна* (даже въ самомъ мятежѣ): она молится — и вопрошая, и сомнѣваясь, и бунтуя, и отчаиваясь. И самое отчаяніе ея скрываетъ за собою столь огненное чаяніе, что только *пустыя* небеса не отвѣтили бы на него дарованіемъ утѣшенія; подобно тому, какъ сомнѣнія блаженнаго Августина и Декарта самую огненность своею были уже *дѣйствіемъ религіозной вѣры и философскаго вѣдѣнія*...

Побѣдность музыки Метнера отнюдь не сводится къ ея «формально-музыкальной» выдержанности и законченности

²⁰⁾ Срв., напр., въ Сонатѣ opus 5, часть вторую и третью; или въ романсѣ «Мечтателю» Пушкина, opus 32, № 6 — паузы передъ «Постигло страшное безуміе любви» и передъ «Но мрачная любовь».

²¹⁾ Срв., напр., финалъ романса «Воспоминаніе» Пушкина, opus 32, № 2: аккомпаниментъ, заключительно контранпунктируя основную тему покаянія, снизу вверхъ, изъ октавы въ октаву, даетъ сначала la bekar и модулируетъ тѣмъ въ мажоръ, а затѣмъ возстапавляетъ la bemol и возвращается къ рыдающему минору; — оплаканныя строки жизни прощены и смыты въ таинственной глубинѣ (объективно!) именно потому, что для кающейся души (субъективно!) онѣ еще не смыты (въ этомъ и состоитъ сущность покаяннаго очищенія)...

(классическая сонатная форма, прозрачное голосоведение, пренебрежение гармоническою разнузданностью и т. д.). Правда, хаосъ побѣжденъ уже однимъ тѣмъ, что *принялъ* во всей своей истинности законъ прекраснаго благозвучія. Но побѣда эта есть, прежде всего и по существу своему, побѣда *духовно-содержательная и мелодическая*.

Метнеръ написалъ доселѣ четырнадцать сонатъ²²⁾. Каждая изъ нихъ, развертываясь, какъ всегда, въ двухъ основныхъ (противостоящихъ и, въ то же время, сопринадлежащихъ) темахъ, являетъ живую *драму* (иногда — трагедію) *борьбы за свѣтлый исходъ*, за цѣльную и радостную осанну. Обычно вся соната, со всѣми ея частями, излагаетъ *единую* драму и бываетъ песома *единымъ* духомъ. Страдая и утверждаясь, то внемля второй темѣ и поддаваясь ей, то не внемля ей и преломляя ея ходъ, основная тема, содержащая обычно духовную проблему всей сонаты, ищетъ себѣ то видоизмѣненіе (мелодическое, ритмическое, модуляціонное, гармоническое), которое должно дать ей *самоутвержденіе, радость и расцвѣтъ*. Она совершаетъ свое восхожденіе въ борьбѣ и усиліяхъ; она идетъ къ *апогею* — или черезъ духовную ассимиляцію со второй темой или же черезъ посредство третьей, содержащей иногда основное открытеніе²³⁾. Видоизмѣняемость этихъ восходящихъ темъ совершенно исключительна; и ясно, что именно эта способность ихъ къ контрапунктическому, модуляціонному и ритмическому обновленію обезпечиваетъ имъ преображеніе и торжество.

Метнеръ — пѣвецъ *духовной побѣды и преображенія*; и вся такъ называемая «музыкальная форма» есть въ его рукахъ лишь *путь* естественнаго движенія темы къ ея апогею, лишь *средство* для духовнаго преображенія этой проблематической (мятущейся и страдающей) темы. Мастеръ мажора (и въ частности до мажора²⁴⁾), этой завершонной и царственно утверждающей тональности, столь отвѣтственной и иногда

²²⁾ Opus 5, Соната F-mol; opus 11, № 1, Соната As-dur; opus 11, № 2, Соната D-mol; opus 11, № 3, Соната C-dur; opus 21, Соната H-mol, для скрипки и рояля; opus 22, Соната G-mol; opus 25, № 1, Соната-Сказка C-mol; opus 25, № 2, Соната E-mol; opus 27, Соната-Баллада Fis-dur; opus 30, Соната A-mol; opus 38, № 1, Соната Воспоминаній A-mol; opus 39, № 5, Трагическая соната C-mol; opus 41, Соната-Вокализъ C-dur; opus 44, вторая Соната для скрипки и рояля G-dur. Считая еще два концерта въ сонатной формѣ и сказку C-mol, opus 8, № 2 — семнадцать.

²³⁾ Срв., напр., въ Сонатѣ-Балладѣ opus 27, Fis-dur; срв. также Сонату opus 11, № 3, C-dur.

²⁴⁾ Срв., напримѣръ, дивный по красотѣ и простотѣ домажорный финаль трагической Сказки, opus 9, № 2, Allegro alla serenata; срв. также особенно миропріемлющую Сонату C-dur, opus 11, № 3; Эпитафію opus 13, № 2; «Заклинаніе» Пушкина, романсъ, opus 29, № 7; также особенно Сказку opus 35, № 1, C-dur, Andante maestoso; «Арionъ» Пушкина, романсъ, opus 36, № 6; и другое.

страшной) — Метнеръ знаетъ всё пути борьбы и страданія, ведущіе къ этому ладу; ибо, поистинѣ, мажоръ, невыстраданный въ минорѣ, есть лишь пустая тѣнь мажора. Метнеръ *пріемлетъ міръ*; пріемлетъ его со всёми его стихіями, мглами и страхами, какъ даруемый Творцомъ. Его мажоръ родится изъ глубины минора; но именно поэтому онъ подчасъ такъ до конца потрясаетъ и освобождаетъ душу слушателя²⁵⁾. Ибо радость вообще измѣряется мѣрою предшествующаго страданія и полнота ликованія добывается именно продолженіемъ отчаянія.

Вотъ откуда у Метнера эти торжествующіе, побѣдные, ликующіе финалы: эти *колокольные трезвоны*²⁶⁾, эти радостныя, *самозабвенныя пляски*. Такъ празднуетъ только прощенная и до дна преображенная стихія; и слушая ее, чувствуешь и въришь, что осуществились величайшія обѣтованія; что ликуетъ, какъ бы, вся тварь, освободившаяся «отъ рабства тлѣнію» (Римл. VIII. 21); слынишь, какъ славословить тотъ самый голосъ мрака, который тайлъ въ себѣ мятежь и бурю... И, слыша это, самъ произносишь, съ самаго дна своей души, — хвалу и благодареніе...

Но, вотъ, продолженный и преображенный мракъ отпадаетъ и исчезаетъ. Начинается *чистая радость солнцу* и неописуемая въ словахъ *прозрѣнія въ потустороннее*.

Нескончаемая гирлянда плясокъ, одна одухотвореннѣе, одна утончелнѣе другой; такъ, какъ если бы пали или раскрылись нѣкія, отъ вѣка проклятыя и заваленныя ворота, и изъ нихъ, на солнце, къ голубому небу, къ цвѣтамъ и облакамъ — хлынули хороводы прощенныхъ и вдохновенно празднующихъ душъ. Танецъ «граціозный», танецъ «празднующій», «симфоническій», «цвѣточный», «ликующій», «благоуханный». «диѳирамбическій»²⁷⁾... О, если бы ихъ услышалъ Фра Беато Анжелико, умѣвший лишь чинно «выступать» со своими праведниками въ райскихъ селеніяхъ!... Если бы ихъ услышали грустныя граціи Боттичелли²⁸⁾, или дѣвственныя жрицы

²⁵⁾ Срв., напр., мажорный финалъ въ катастрофическомъ стихотвореніи Тютчева «Бессонница», opus 37, № 1, Es-mol.

²⁶⁾ Срв., напр., финалъ Сонаты opus 5, F-mol; финалъ Сонаты opus 11, № 3, C-dur; финалъ Сонаты opus 27, Fis-dur; финалъ «Музы» Пушкина, opus 29, № 1; и другое.

²⁷⁾ Срв. opus 38, № 2, Danza graziosa, A-dur.; № 3 Danza festiva, D-dur; opus 40, № 1, Danza col canto D-mol; № 2, Danza sinfonica G-mol; № 3, Danza fiorata D-dur; № 4, Danza giubilosa G-dur; № 5, Danza ondulata E-mol; № 6, Danza ditirambica D-dur; и др.

²⁸⁾ Я имѣю въ виду лѣвую группу танцующихъ дѣвъ въ картинѣ Primavera (Флоренція, Uffizi № 8360 по каталогу 1922 года). За то представленіе о танцахъ Метнера можетъ дать хороводъ ангеловъ въ верхней части картины Боттичелли, именуемой «Madonna col bambino, quattro Angeli e i Santi Barnaba, Michele, Battista, Agostino, Caterina e Ignazio» (Флоренція, Uffizi № 8361 по каталогу 1922 года).

Греци!.. Если бы они услышали эти *радостно и невинно танцующья молитвы*...

Но если настоящая радость рождается изъ преодоленнаго страданія, то истинное *прозрѣніе* дается именно черезъ легкое и радостное *одухотвореніе*. Глубокія и тонкія стихотворенія Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Фета, Гете и Эйхендорфа раскрываются въ «романсахъ» Метнера именно, какъ *прозрѣнія*. Какъ будто рѣдѣетъ густая завѣса, отдѣляющая здѣшний міръ отъ нездѣшняго: и въ воспоминаніи о дожитенной лѣтнѣ ангела²⁹⁾; и въ раствореніи слияніи съ тихой и благоуханной безпредѣльностью³⁰⁾; и въ воспріятіи «неизрѣченныхъ глаголовъ» откровенія³¹⁾; и въ экстазѣ любви, одолѣвающей грань загробнаго міра³²⁾; и въ очевидности безсмертія души³³⁾; и въ предчувствіи «нетлѣнной славы и красоты» иной жизни³⁴⁾... Невыразимое въ словахъ, неопредѣлимое мыслью, неуловимое даже для воображенія — начинается испытываться, какъ подлинное, реальное, какъ данное въ живомъ и осязательномъ откровеніи. То, передъ чѣмъ безсиленъ языкъ, — передается, на примѣръ, непрерывной лѣстницей модуляцій: уходя мелодіи въ другую тональность, иногда въ постепенномъ хроматическомъ повышеніи, даетъ реальное ощущеніе того, что привычный планъ бытія истаиваетъ, какъ туманъ, и что душа вступаетъ въ новые, высшіе планы, гдѣ «чистый пламень пожираетъ несовершенство бытія»³⁵⁾ и гдѣ во истину цвѣтетъ неслказашное³⁶⁾... О. если бы каждому изъ насъ суждена была *такая смерть!*...

Но пусть каждый самъ слушаетъ эту музыку. Выразить ея содержанію словами — нельзя.

И вотъ, у того, кто услышитъ музыку Метнера и увидитъ раскрытыя въ ней духовныя обстоянія, — постепенно сложится увѣренность, что *за этой музыкой* живетъ особое *пониманіе искусства, особый способъ творить* и особое *метафизическое воспріятіе міра*. Это не «философія» въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. не теоретическое «ученіе», не «система», ни, тѣмъ болѣе, отвлеченная выдумка. Но это, несомнѣнно, тотъ подлинный и предметный *духовный опытъ*, который необходимъ

²⁹⁾ «Ангелъ» Лермонтова, романсъ, opus 1, № 1.

³⁰⁾ «Сумерки» Тютчева, opus 24, № 4.

³¹⁾ «Я потрясенъ...» Фета, романсъ, opus 24, № 5; срв. «Муза» Пушкина, романсъ, opus 29, № 1.

³²⁾ «Заклинаніе» Пушкина, романсъ, opus 29, № 7.

³³⁾ «Цвѣтокъ» Пушкина и «Лишь розы увядаютъ...» его же, романсы, opus 36, № 2 и 3.

³⁴⁾ Элегія Пушкина («Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный...»), романсъ, opus 45, № 1.

³⁵⁾ Элегія Пушкина, opus 45, № 1.

³⁶⁾ «Лишь розы увядаютъ...» Пушкина, opus 36, № 3.

философу для его философіи и внѣ котораго онъ становится отвлеченнымъ выдумщикомъ. Этотъ опытъ необходимъ не только философу: *поэтъ* изливаетъ его въ образахъ и словахъ, *художникъ* въ чувственныхъ образахъ и краскахъ, *герой* въ волевыхъ дѣяніяхъ, *отшельникъ* въ молитвахъ и созерцаніяхъ. *Музыканту этотъ опытъ звучитъ и поетъ*; и эти звуки и пѣсни композиторъ записываетъ, какъ пѣсни и звуки самого открывшагося ему и испытаннаго имъ Предмета. Настоящее искусство, какъ и настоящая философія, — не выдумываются и не зависятъ отъ произвола и усмотрѣнія автора. Они рождаются въ духовномъ воспріятіи и переживаніи Предмета, — отрѣшенномъ, самозабвенномъ, требующемъ *всей души* и нерѣдко выпивающемъ ея силы до конца. *Духъ челоѵка имѣетъ свое музыкальное воспріятіе, свой таинственный духовный слухъ. коимъ онъ слышитъ и вѣяніе Творца, и вздохи его міра.* Задача его въ томъ, чтобы *вѣрно пѣть изъ глубины этого воспріятія*. И, если онъ это осуществляетъ, — онъ самъ становится тою «семиствольною цѣвницею», тѣмъ дивнымъ «тростникомъ» (Пушкинъ), который «оживляется» «божественнымъ дыханіемъ» міровой музыки...

Сто лѣтъ тому назадъ Шопентауэръ уловилъ и описалъ эти объективные источники музыки. Въ срединѣ XIX вѣка графъ А. К. Толстой утверждалъ тѣ же истоки въ поэзіи³⁷⁾. И врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что творческій опытъ, подобный этому, вынашиваетъ и слагаетъ музыку Метнера. Вотъ откуда у слушателя это ощущеніе «объективнаго присутствія» въ его музыкѣ: она даетъ самое реальное и насыщаетъ Предметомъ все наличное поле художественнаго воспріятія.

За тѣ пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ я слушаю и изучаю музыку Метнера, мнѣ не разъ приходилось слышать и читать, какъ разсудочники и теоретическіе разлагатели музыки изумлялись зрѣлой *формой* его произведеній: слушая внѣшнимъ ухомъ и анализирующею мыслью, они останавливались передъ «стройностью» и музыкальной «закономѣрностью» его сочиненій, не понимая, что художественно совершенная «форма» можетъ быть осуществлена только цѣльнымъ, живымъ и творчески могучимъ *содержаніемъ*. Ибо въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ — никакой отдѣльной и самостоятельной музыкальной «формы» *нѣтъ*, а есть лишь *тема* и органически-естественное развитіе того *духовнаго заряда*, который въ ней живетъ. Такъ обстоитъ въ *музыкѣ*; но такъ же обстоитъ и въ *поэзіи*, и во *всякомъ искусствѣ*. Надо, чтобы было *что* сказать; и чтобы это «что» — было *отъ Бога*. И не потому ли на свѣтѣ такъ много выдумывающихъ и завистливыхъ «Сальери»

³⁷⁾ Срв. его стихотвореніе «Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель...»; въ письмахъ его къ женѣ эта идея развита прозаически.

и такъ не много вдохновенно творящихъ «Моцартовъ», что большинству авторовъ *духовно нечего сказать?*

За творчествомъ Метнера живетъ и дышетъ не только душа большого русскаго національнаго художника; за нимъ живетъ еще *особый способъ музыкальнаго и художественнаго созерцанія и творчества*, который можетъ и долженъ *создать школу*. И эта школа, это теченіе будутъ, поистинѣ, призваны къ тому, чтобы очистить и оздоровить атмосферу музыкальнаго модернизма.

И. А. Ильинъ.

1928. X. 4—16.

Menaggio.

„ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ НЕ ВОИНЪ“.

(Пословица).

«Одинъ въ полѣ и тотъ — воинъ».

Девизъ Виленскаго Военнаго Училища.

I.

Мысль давно уже не новая, но все еще звучащая для многихъ кощунствомъ: русскія пословицы отразили въ себѣ не только мудрость, но и лукавство, не только достоинства, но и пороки нашего народа.

Но, вправду, сдѣлайте нравственную оцѣнку такихъ пословицъ, какъ: «съ волками жить — по волчьи выть», «рыба ищетъ, гдѣ глубже. — человекъ ищетъ, гдѣ лучше», «нужда — стыда не знаетъ». «пропадай моя и честь, какъ нечего будетъ ѣсть», «грѣхъ воровать, да нельзя миновать», «не пойманъ — не воръ», «не обманешь — не продашь». «своя рубаха ближе къ тѣлу», «дѣло не медвѣдь — въ лѣсъ не уйдетъ», «кончилъ дѣло — гуляй смѣло», и т. д. Не ясны ли въ нихъ лукавыя, скверныя мысли, не являются ли онѣ оправданіями зла и не слышны ли въ нихъ подчасъ идеи безволія, непротивленства, понураго и безнадежнаго отказа отъ самосовершенствованія, — вмѣсто волевыхъ идей, которыя должна бы внушать народная мудрость? . . .

И не вѣришь ли этихъ пословицъ, часто созвучныя имъ, но противорѣчащія имъ, истины, которыя въ отвѣтъ на дурные совѣты, сами собою напрашиваются: «среди волковъ будь человекомъ», «къ высокому и свѣтлому знай вѣрный путь». «идеаль недостижимъ, но есть къ нему дорога», «коли нечего ѣсть — береги свою честь», «дѣло, что медвѣдь — такъ къ лѣсу и тянетъ», «кончилъ дѣло — за новое смѣло» и такъ дальше и такъ дальше? . . .

Но есть среди такихъ лукавыхъ пословицъ одна, которая опаснѣе многихъ другихъ, какъ оправдывающая самое страшное зло — безволіе, какъ открывающая дорогу ужасному и безнадежному «съ волками жить — по волчьи выть», какъ *соблазняющая* свою ложью и смиренностію къ отказу отъ подвига и воли — во всемъ: и въ испытаніяхъ личнаго геройства, и въ проявленіяхъ гражданскаго мужества, и въ дѣяніяхъ государственнаго и общечеловѣческаго значенія. Та пословица: «одинъ въ полѣ — не воинъ».

Развѣ не соблазнительно оправдать при случаѣ этой пословицей свой отказъ отъ жертвы душой «за други своя», или свой позорный «вой по волчьи»? И развѣ не соблазнительно, завистливо или враждебно, развѣнчивать всякое геройство и подкрѣплять «народной мудростію» доказательства безсилія, безправія и даже неестественности одинокихъ воиновъ въ полѣ — вождей, противоположая имъ силу, право и естественность «самодвижущихся» обществъ, незнающихъ иныхъ воиновъ, кромѣ ими самими выдвигаемыхъ для выполненія «созрѣвшихъ» въ обществѣ идей?

И развѣ, наконецъ, не соблазнительно даже и для самого, и самаго настоящаго, одинокаго воина въ полѣ, — въ минуту прославленія за совершенное дѣло отвѣтить, во имя скромности: «одинъ въ полѣ — не воинъ» и тѣмъ напомнить о своихъ сотрудикахъ, хотя бы и о тѣхъ, которые завѣдомо вставляли палки въ колеса во время работы или которыхъ надо было гнать палками въ дѣло?

Въ отвѣтъ на все эти соблазны оправдывающей зло пословицы безволія — должна звучать непреклонной волевой идеей созвучная и противорѣчащая ей, достойная прописей истина: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ».

Не будемъ безпощадны къ памятнику «народной мудрости» и не будемъ глухи къ оправданіямъ. — Пусть будетъ сказано что эта пословица дана для указанія линіи поведенія лишь самымъ зауряднымъ труженикамъ, а не какъ пропись для народныхъ вождей, и что для вождей припасены другія слова. — Пусть она даже хороша, когда звучитъ призывомъ къ общецей работѣ и къ помощи вождямъ, или становится основой товарищества. — Она даже относительно вѣрна, красива, но и безконечно скорбна и печальна, если слышна иногда какъ крикъ отчаянія въ лебединой пѣснѣ недостигшаго цѣли героя. Но все же она есть полномѣрно злая ложь, когда ею прикрывается отказъ отъ простѣйшаго и страшнѣйшаго личнаго подвига, требующаго готовности «положить душу за други своя . . .»

На глазахъ охваченной состраданіемъ и скованной страхомъ передъ необходимымъ подвигомъ толпы, человекъ бросается съ моста въ ледоходъ и либо опасается несущагося на льдинѣ ребенка, либо съ нимъ погибаетъ.

Кто изъ бывшихъ только что въ оковахъ идеи безволія («одинъ въ полѣ — не воинъ»), не сознаеть ея лживости; кто рѣшится громко произнести пословицу независимо отъ достиженія цѣли свершившимся подвигомъ? Кто бросить вслѣдъ утопающему или павстрѣчу выплывающему: «одинъ въ полѣ — не воинъ»!

Да цѣна подвига и не зависитъ — ни отъ гибели или случайнаго спасенія души героя, ни отъ достиженія или недостиженія имъ жертвенной цѣли: одинокій въ полѣ воинъ и *погибая остается воиномъ*, какъ перестаетъ быть воиномъ — раньше своего спасенія или даже случайной гибели тотъ, кто поддается идеѣ безволія. И даже самая безнадежность достиженія усилѣха или побѣды одинокимъ подвигомъ не можетъ остановить «одинокаго воина въ полѣ», его одинокаго шествія путями побѣды къ красотѣ, добродѣтели и правдѣ. Иначе, — мы не знали бы иныхъ героевъ личнаго подвига, кромѣ случайно сохранившихся въ «кѣмъ-то» воодушевленной и двинутой на подвигъ толпѣ. Не знали бы мы такихъ «одинокихъ воиновъ въ полѣ», какъ Георгій Побѣдоносецъ, вышедшій на бой съ дракономъ; или какъ Тезей, отправившійся уничтожить Минотавра; или такихъ, какъ нашъ Архипъ *Осиповъ* (1840 года) или сербъ Стеванъ *Синджеличъ* (1809 г.), принесшихъ себя въ жертву при взрывѣ пороховыхъ погребовъ для общей гибели во славу своего оружія; или какъ поднятый на штыки маіоръ *Горталовъ*, давшій Скобелеву слово не уйти изъ редута. Не знали бы и ни одного изъ тѣхъ безчисленныхъ личныхъ подвиговъ, которые свершаются повсюду на войнѣ во исполненіе долга присяги, вездѣ и всюду требующей отъ воина «претерпѣнія до конца», — и тамъ, гдѣ всѣ пали духомъ, и тамъ, гдѣ всѣ покорились идеѣ безволія («одинъ въ полѣ — не воинъ»), и тамъ, гдѣ всѣ погибли, — общія только за эту степенъ героинства — «спасеніе».

И еще большая ложь и зловредность сокрыта, быть можетъ, въ безвольной пословицѣ «одинъ въ полѣ — не воинъ», когда она оправдываетъ участіе въ *гражданскихъ* грѣхахъ, прикрываемыхъ пословицей «съ волками жить — по волчьи выть»: участіе въ нечестности, во взяточничествѣ, покровительствѣ близкимъ не по ихъ заслугамъ, въ мотовствѣ, развратѣ, клеветничествѣ, — во всѣхъ порокахъ общественной жизни...

«Онъ вѣчный обличитель лжи, запрятавшейся въ пословицу: «одинъ въ полѣ — не воинъ», — говоритъ Гончаровъ о Чацкомъ въ своемъ очеркѣ «Милліонъ терзаній», и видитъ въ Чацкомъ не представителя «лишнихъ людей», а «искренняго и горячаго дѣятеля» — одинокаго передового воина въ полѣ. «застрѣльщика» и неизбѣжную жертву. По Гончарову, «Чацкій неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ» и «начинаеть новый вѣкъ». Увы, Гончаровъ близокъ къ истинѣ

если намекаетъ этими словами на появленіе такихъ одинокихъ воиновъ чуть ли не «разъ въ столѣтіе»; и онъ только не до-сказываетъ, что носителями «лжи» являются *Фамусовы и Молчалины*, наполняющіе общественность въ теченіе столѣтій.

Чацкій ничего не сдѣлалъ и бѣжалъ отъ «волковъ». унося съ собою лишь «милліонъ терзаній»; но онъ остался одино-кимъ «пылкимъ и отважнымъ» бойцомъ, отвергнувшимъ со-блазнительное покровительство пословицы безвольныхъ; онъ не измѣнилъ передъ «волками» своей волевой идеѣ.

Чацкій — частный случай, его миссія была лишь выйти одинокимъ воиномъ въ борьбу съ царившими въ Москвѣ поро-ками Екатерининскаго вѣка. Но кто бы, въ какіе вѣка, ни вы-ступилъ съ какою бы то ни было общественной миссіей, — онъ не можетъ быть миссіонеромъ и идти съ девизомъ: «одинъ въ полѣ — не воинъ». Девизъ всякаго миссіонерства: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ», при полномъ сознаніи, что за служе-ніе этому девизу неизбежна расплата тѣмъ или инымъ «мил-ліономъ терзаній». —

Тема еще не исчерпана, она шире, чѣмъ это можетъ ка-заться.

Противопоставленіе пословицы и девиза неизбежно вызы-ваетъ — и въ раздумьи, и тѣмъ болѣе въ спорѣ, между сторон-никами той или другой изъ двухъ идей, — противопоставленіе значенія общества, значенію личности, и приближаетъ къ темѣ одного изъ основныхъ современныхъ споровъ, въ кото-рыхъ люди ищутъ опоры въ освѣщеніи историческихъ фактовъ для указанія вѣрныхъ путей государственности.

Личность ведетъ Общество или Общество создаетъ Лич-ность, выполняющую его волю?

Личность или Народъ направляетъ и творитъ исторію?

Имѣетъ ли Личность значеніе въ исторіи и въ жизни Обще-ства или нѣтъ? Какова роль и значеніе отдѣльной Личности въ жизни человѣчества? Можетъ ли Личность быть Одино-кимъ Борцомъ въ жизни?

Можетъ ли Одинокій быть Воиномъ въ полѣ?

Или правда, что Одинъ въ полѣ не воинъ?

А дальше, — указаніе тѣхъ или иныхъ «вѣрныхъ» путей: кому же править и кто можетъ править?

Сторонники идеи *пословицы* разрѣшаютъ всѣ эти вопросы однимъ отвѣтомъ: *Великій человекъ только выражаетъ идеи зарожденныя Обществомъ*. Отсюда все. Отсюда Геній — «на-зрѣвшая» производная даннаго Общества и эпохи; отсюда — Великіе становились Великими лишь тогда, когда народы бы-вали «готовы» къ ихъ воспріятію; отсюда — объясненія *подви-говъ и дѣяній* подготовленностью событій, самодвиженіемъ массъ, увлекающихъ Личность, а если угодно, то и случайно-

стями и счастьемъ или несчастьемъ; отсюда же — обратное: Личность — ничто, одинъ въ Полѣ не воинъ!

Но есть и возраженія.

Нѣтъ, Геній не есть производная ни своего Общества, ни своей эпохи; Геній *опережаетъ* вѣкъ и *даруетъ* современникамъ и потомкамъ новыя идеи и потому онъ такъ часто и погибаетъ подъ ударами современниковъ, и прославляется не ими, а потомками и иноплеменниками въ юбилейные сроки поминокъ его рожденія или смерти.—Въ чемъ же онъ былъ бы Геніемъ-Создателемъ новой эпохи въ той или иной сферѣ жизни. — если-бъ онъ лишь выявлялъ «назрѣвшія» идеи, а не поворачивалъ жизнь вопреки и наперекоръ идеямъ Общества и времени?

Нѣтъ, Геній не прикованъ къ эпохѣ, и Человѣкъ-Геній каждаго вѣка былъ бы Геніемъ и въ минувшихъ и въ грядущихъ вѣкахъ; но только въ иныхъ достиженіяхъ!

Если бы Великіе свершали свои подвиги и дѣянія только тогда, когда Народы «были готовы» къ ихъ воспринятію, — ихъ пути были бы всегда усыпаны розами. Или, можетъ быть, виноваты сами Геніи, сожженные на кострахъ и на Крестахъ распятые, въ томъ, что они преждевременно произвели на свѣтъ идеи, которыя еще не дозрѣли въ Обществѣ? Но не абсурдны ли такія предпосылки? Такъ можно договориться до того, что каждый, кто погибъ за идею, — за то и погибъ, что шелъ противъ основной «здравой» мысли общественности: «одинъ въ полѣ — не воинъ».

Нѣтъ, и не инстинкты, и не разумъ массъ, и не случайности, и не счастье или несчастье рѣшали судьбы народовъ, а тѣ немногіе. — то избранники, то самозванцы, — которые водятъ массы за собой. — «Сегодня счастье, завтра счастье... надо же когда-нибудь и умѣнїе», — говорилъ гениальный Суворовъ. Неужели же и тѣ Личности, передъ непостижимостью, величїемъ и превосходствомъ коихъ человѣчество падало ницъ, находятъ одно объясненіе ихъ Существа въ ихъ божественности, — неужели и тѣ Личности были порожденіемъ «Общества» и не были одинокими Воинами въ Полѣ?!

Нѣтъ, жизнь творять не коллективы, а Творцы. — тѣ, кто восходятъ и надъ толпами, мятущимися или прозябающими съ воплемъ «одинъ въ полѣ — не воинъ», и надъ безталанными или боящимися силы и свѣта соблазнителями «Общества» скверными идеями.

Великій Петръ былъ «подготовленъ»?! Его реформы «назрѣли»? Онъ выявилъ лишь «скрытыя» идеи «общества»?.. А Стрѣльцы, а сторонники двора Евдокіи, а сынъ? — Да гдѣ же тогда «розы» на его путяхъ? И кто тогда, да и зачѣмъ же «Россію вздернула на дыбы» и «бросилъ ей вызовъ». на который она «отвѣтила Пушкинымъ»?

Ибо, если все было приутожено къ эпохѣ Петра, — то Великимъ сталъ бы и братъ его Іоаннъ, если бы ему было суждено остаться на Престолѣ? И сынъ его Алексѣй ничего бы измѣнилъ, если бы не его, а отца «извели» въ 1718 году?

Кутузовъ въ двѣнадцатомъ году, какъ и Наполеонъ, лишь «воображалъ», что водить арміи, перемѣщаясь съ ними не то по волѣ «рока», не то по собственнымъ интуиціямъ народныхъ массъ? . .

Но не былъ ли онъ парадоксально Одинокимъ Воиномъ на Бородинскомъ полѣ, зная еще тамъ, что нельзя не почитать «Старушку» боемъ и зная, что всерьезъ, на жизнь и на смерть драться нельзя и что Москву, наперекоръ «Обществу» надо оставить для гибели Наполеона!?

Галилей. Колумбъ, Янъ Гусъ, Жанна д'Аркъ . . . Это они-то не одинокіе Воины въ Полѣ?

Кѣмъ былъ Христосъ въ пустынѣ? Гдѣ розы на Его путяхъ?

И не думалъ ли про себя тотъ, кто насмѣшливо диктовалъ или тотъ, кто послушно выписывалъ четыре буквы надъ Распятымъ, что «одинъ въ полѣ — не воинъ»? . .

Спустимся къ обыденному. Для насъ вопросъ, вытекающій изъ сопоставленія *пословицы* и *девиза*, сводится къ вопросу личной совѣсти: идти ли за толпой, вопреки голосу совѣсти и правды, или, хотя бы и одиноко, и не розами, а терніями, идти туда, куда зоветъ голосъ совѣсти и правды?

«Одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ» — *девизъ* совершенствованія, смѣлости, самодѣятельности, воли, вѣры, прямоты и правды!

«Одинъ въ полѣ — не воинъ» — *пословица* оправданія общаго грѣха, общей бездѣятельности, стадности, боязни жизни, пословица укрывательства отъ страшной правды и ублаживанія совѣсти.

Безвольные или страшящіеся чужой воли — противъ *девиза*. Онъ страшенъ и тѣмъ, которые хотятъ сами безответственно и тайно править Обществомъ, опасаясь воли и силы Личности. Напрасно! — *Истинная Личность выступитъ въ свое время и сдѣлаетъ то, что ей дано: поведетъ за собою «Общество»*.

Каждое волевое и дѣйственное объединеніе должно быть составляемо изъ людей, исповѣдующихъ девизъ «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ», хотя бы даже и само объединеніе ставило своею основой Товарищескій призывъ: «одинъ въ полѣ — не воинъ», ибо только такимъ подборомъ обеспечивается дѣйствіе до конца, до гибели послѣдняго борца; а значить и до дѣйствительной и полной потери надежды на успѣхъ. — До израсходованія послѣдней силы ни одинъ борецъ, даже и остав-

пійся одинокимъ, не имѣть права на выходъ изъ строя, ибо торжество врага надъ преклонившимся знаменщикомъ полнѣе, нежели, надъ павшимъ. Зная, не оскверненное сдачей, можетъ еще вѣять надъ новыми бойцами и воодушевить ихъ на возобновленіе борьбы; сдача же знамени, хотя бы и послѣднимъ воинномъ, губить идею.

Каждая «бѣлая» Армія — соединеніе одинокихъ воиновъ въ полѣ.

Каждая эмиграція, по природѣ своей, — соединеніе одинокихъ воиновъ въ полѣ.

Наше зарубежное горе въ томъ, что среди насъ имѣется примѣсь доли вѣчныхъ «бѣженцевъ», безсознательно исповѣдующихъ идею «одинъ въ полѣ — не воинъ»; и еще примѣсь людей *сознательно* отравляющихъ этой идеей наши ряды.

Будемъ отстаивать волевою идею девиза: «одинъ въ полѣ — и тотъ воинъ»!

Б. Адамовичъ.

15 (28) октября 1928 г.

С. Товарникъ.

ИДЕЯ ПАПЫ ВЪ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Отрывокъ изъ лекцій о католичествѣ).

Какъ далеки мы еще, къ сожалѣнію, отъ объединенія съ католиками во многомъ важномъ и существенномъ въ строѣ жизни церковной... Наряду съ проявленіями горѣнія духовнаго въ святыхъ, наряду со многими проявленіями высоко-церковнаго, истинно - вселенскаго благочестія и въ массѣ вѣрующихъ, — какой однако въ католичествѣ нерѣдко матеріалистически-виѣшній подходъ къ глубинамъ, къ самому существу жизни церковной! И это не только на практикѣ; на практикѣ всѣ мы грѣшимъ; но — *въ принципахъ*, въ самыхъ *основахъ* римско - католической официальной доктрины. Ибо многія изъ этихъ основъ католической официальной доктрины носятъ на себѣ печать *законническаго* воспріятія благодати и самой сущности церкви.

Съ особой силой раскрывается это въ католическомъ ученіи о *папской власти*, этомъ основоположномъ камнѣ всего зданія римско-католическаго богословствованія, этомъ *центральномъ догматѣ Рима*, который отчетливо и опредѣленно отдѣляетъ Римъ отъ Православнаго вѣроученія.

Особое удареніе, особый паеосъ вкладывается римскими богословами въ это ученіе о папской власти. Ибо, повторяю, это — *фундаментъ* всей римской системы, какъ таковой; это —

ученіе о *видимомъ главѣ церкви*, о «замѣстителѣ» или «намѣстникѣ» Христа (**Vicarius Christi**), практически нерѣдко заключающемъ Невидимаго Главу — Христа; ученіе, противорѣчащее самымъ основамъ апостольскаго ученія о жизни церковной и о церковномъ познаніи...

Согласно Апостолу Павлу, познаніе истины дается *братьямъ*. «укорененнымъ въ любви» «вмѣстѣ со всѣми святыми» («дабы вы, укорененные и утвержденные въ любви, вмѣстѣ со всѣми святыми, могли постигнуть...» Ефес. III, 18—19). Согласно ватиканскому догмату познаніе истины дается *Папѣ самостоятельно*, внѣ связи съ Церковью, «изъ самого себя, но не изъ согласія Церкви» («**ex sese et non autem ex consensu Ecclesiae**»). Монархизмъ юридическій, земной монархизмъ Рима замѣнилъ ученіе о Церкви, какъ о благодатномъ Тѣлѣ Христовѣ подъ единымъ невидимымъ Главою Христомъ. Психологическая причина этого вскрыта со всею опредѣленностью Хомяковымъ; причина эта: раціоналистическое маловѣріе (или малодушіе), стремящееся невидимаго Главу Христа замѣнить видимымъ его намѣстникомъ. Бремя свободы Христовой, участіе въ соборной жизни Церкви всею полнотою личности нашей — оказалось не подъ силу римскому католицизму и онъ возложилъ все бремя отвѣтственности на одного Папу. Папа замѣнилъ все тѣло церковное въ конечномъ познаніи истины; критеріемъ истины сталъ не Духъ Святой, живущій въ Церкви, а голосъ епископа, возсѣдающаго на римской каедрѣ. Тѣмъ самымъ *познаніе истины сдѣлалось актомъ вѣрнымъ для вѣрующихъ*: они должны принимать то, что за нихъ рѣшаетъ оффиціальный возглавитель Церкви въ Римѣ, — незыблемый, непогрѣшимый, не связанный въ своей непогрѣшимости съ Церковью (**ex sese!**), а потому и внѣшній авторитетъ.

Вся Церковь, такимъ образомъ, резюмируется, концентрируется въ Папѣ; поэтому для римскаго католика онъ — единый источникъ всей епископской власти на землѣ. онъ — «**episcopus universalis**». По католическому возрѣнію, онъ — не первый среди равныхъ ему по благодаги братьевъ-епископовъ, нѣтъ: онъ — источникъ епископскаго служенія; епископы — лишь делегаты, лишь уполномоченные, лишь представители Папы. А разъ такъ, то папская теорія лишаетъ принципиальнаго обоснованія и внутренняго содержанія и епископата, и самую Церковь, превращая Церковь изъ *живого, Духомъ Божиимъ руководимаго, братскаго организма* — въ *собраніе безгласныхъ подданныхъ*, въ *юридически, а не мистически-жизненно обоснованное цѣлое*, въ *деспотически управляемое церковное государство*.

Церковь становится церковнымъ государствомъ — вотъ подходящая адекватная формула, раскрывающая внутренній

смысль римскаго ученія ¹⁾). Недаромъ изъ устъ одного просвѣщеннаго германскаго католика мнѣ пришлось слышать слѣдующія слова по поводу изложеннаго ему мною православнаго ученія о Церкви: «у васъ ученіе о Церкви — мистическое, а у насъ», тутъ онъ пріостановился на одно мгновеніе — «юридическое»...

Но соотвѣтственны ли, адекватны ли грубо законническія, человѣческія представленія *тайнамъ Божіимъ*, совершающимся въ Церкви? Это юридическое представленіе с Церкви не соотвѣтствуетъ ни опыту жизни церковной, ни ученію апостольскому, ни преданію Отцовъ. Совсѣмъ другіе тона звучать намъ, напр., изъ посланія Апостола Павла къ Ефесянамъ и изъ толкованія къ нему Златоуста. Тѣло Церкви «созидаеть само себя въ любви» «при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена» (срв. Ефес. IV, 16). И далѣе говоритъ Апостоль: Богъ «все покорилъ подъ ноги Его» (Христа) «и поставилъ Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ» (Ефес. I, 22—23). Церковь есть *Полнота* Его, Наполняющаго все, т. е. полнота Главы своего, Христа. Другими словами: въ безмѣрномъ снисхожденіи Своей любви Онъ сдѣлалъ такъ, что мы, члены Тѣла Его, — Ему, самодовлѣющему, Ему, Владыкѣ и Господу, не имѣющему ни въ чемъ нужды или потребности, но все наполняющему Собою, становимся *нужны* для полноты Тѣла Его, которое есть Церковь. «Такимъ образомъ», заключаетъ Златоустъ, «только тогда достигается Глава совершенной полноты, только тогда получится совершенное въ полнотѣ Тѣло, когда мы все будемъ объединены и тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ» (Слово Третье, на Посланіе къ Ефесянамъ). Итакъ, все мы, члены Тѣла Христова, призваны къ живому, *органическому* участию въ жизни Церкви, дабы, держась единаго Главы — Христа, «все тѣло, составами и связями будучи соединяемо и скрѣпляемо», росло «возрастомъ Божіимъ» (Колосс. II, 19).

Вотъ это — церковное ученіе! Впрочемъ, ученіе о Церкви, какъ о великомъ организмѣ, какъ о мистическомъ Тѣлѣ Христовомъ, не умерло всецѣло, — какъ ни противорѣчить оно монополизациі со стороны Папы жизненныхъ функцій Церкви. — и въ католицизмѣ. Фактически и для римскаго католика жизнь Церкви есть все-таки въ значительной степени жизнь

¹⁾ Поэтому римскіе богословы и говорятъ о „монархіи Петра“ (напр. Белларминъ: „*probator Petri monarchia ex loco Evangelii Mt. 16*“) и склонны разсматривать жизнь Церкви съ точки зрѣнія земного государства и въ категоріяхъ земного государства, напр. тотъ же Белларминъ, этотъ столь авторитетный въ католициствѣ и столь показательный для римской точки зрѣнія ученый богословъ и теоретикъ церкви. См. его „*Disputationes de controversiis christianae fidei*“ 1586—1593 Tomus II Controversia I lib. III. De ecclesia militante. c. 2.

органическая, несмотря на всё притязаніе курии, на весь ви́шній юрицизмъ. Ибо участіе въ таинствахъ и въ жизни молитвеннаго общенія не есть ли тѣмъ самымъ участіе въ великой органической жизни? Но въ сознаніи это было затемнено. Впрочемъ теперь, въ послѣднее время, идея *Церкви* — великаго *организма* съ особой силой пробуждается въ католическихъ душахъ, преимущественно въ Германіи, особенно въ кругахъ близкихъ къ бенедиктинскому ордену, а также въ руководимой ими вѣрующей молодежи. «Церковь, какъ зачатокъ обоженія міра»²⁾, — такъ озаглавливаетъ Хансъ Андрэ свою замѣчательную книжку о Церкви, какъ о великомъ организмѣ, растущемъ и имѣющемъ объять всю тварь, весь космосъ. Романо Гвардини, католическій философъ, профессоръ берлинскаго университета³⁾ и руководитель католическаго юношескаго движенія⁴⁾ пишетъ горящую и зажигающую духовнымъ огнемъ книжку «О смыслѣ Церкви»⁵⁾. Въ ней мы читаемъ такіа слова: «я постольку являюсь христіанскою личностью, поскольку я — членъ Церкви, и поскольку *Церковь жива во мнѣ*⁶⁾. Когда я обращаюсь къ ней, то я въ нѣкомъ, особенно глубокомъ смыслѣ говорю не «ты», но «я». Если я понялъ это, то Церковь для меня уже не духовная полиція, а кровь отъ крови моей, плоть, изъ которой я живу» (стр. 33). Невольно вспоминаются слова Хомякова о томъ, что Церковь не авторитетъ, «какъ не авторитетъ Богъ», не авторитетъ Христосъ, ибо авторитетъ есть нѣчто для насъ *внѣшнее*. Не авторитетъ, говорю я, а *истина*, и въ то же время — *жизнь христіанина*, внутренняя жизнь его; ибо Богъ, Христосъ, Церковь — живутъ въ немъ жизнью болѣе дѣйствительною, чѣмъ сердце, быющее въ груди его, или кровь, текущая въ его жилахъ⁷⁾.

Первая глава у Гвардини называется: «Пробужденіе Церкви въ душахъ». Мистическая сущность Церкви, какъ живого великаго Тѣла Христова, противопоставляется чисто внѣшнему, юридическому о ней представленію, которое, по признанію Гвардини, возобладало было въ теченіе послѣднихъ столѣтій подъ вліяніемъ «духа рационализма». «Церковь представля-

²⁾ Hans Andre. „Die Kirche als Keimzelle der Weltvergöttlichung“. 1921.

³⁾ Временно приглашенный — „Gastprofessor für katholische Weltanschauung“.

⁴⁾ „Katholische Jugendbewegung“.

⁵⁾ Romano Guardini. „Vom Sinn der Kirche“. 1922.

⁶⁾ Курсивъ мой: Н. А.

⁷⁾ Впрочемъ признаніе того, что Церковь есть все таки авторитетъ (папская власть!), и слѣд. нѣкоторый внѣшній, юридическій подходъ къ Церкви — сохраняется и у Гвардини. Надо отмѣтить также, что еще сто лѣтъ тому назадъ знаменитый католическій богословъ Мёиеръ (Möhler) писалъ въ своей книгѣ о «Единствѣ Церкви» вдохновенныя слова о Церкви, какъ о великомъ организмѣ, живущемъ жизнью Духа Божія. Это было въ 1825 году; но тогда, до Ватиканскаго Собора, это было легче.

лась прежде всего религиозно-утилитарнымъ и правовымъ учрежденіемъ. Ея мистическая сущность, все то, что стоитъ въ глубинѣ, за осязаемыми цѣлями и установленіями, что выражается въ понятіи Царства Божія, мистическаго Тѣла Христова, не ощущалось непосредственно»⁸⁾). А въ другой книжкѣ своей «*Liturgische Bildung*» (1923) тотъ же Гвардини пишетъ: со времени Тридентскаго собора, вмѣсто болѣе древняго представленія о Церкви, какъ о мистическомъ организмѣ («*corpus mysticum*») — «все болѣе стало выступать на первый планъ церковно-юридическое представленіе объ организованномъ обществѣ...»

«Конечно, и въ немъ есть правда, но онъ затрагиваетъ лишь самую *внѣшность* церковной полноты бытія. Къ тому же оно обладаетъ меньшей религиозной плодотворностью... Оно не даетъ пробиться какъ слѣдуетъ глубочайшимъ источникамъ религиозной жизни. Покуда это внѣшнее представленіе о Церкви преобладаетъ, до тѣхъ поръ въ сознаніи церковномъ отсутствуетъ то жизненное начало, которое вѣетъ въ духѣ литургіи. Но есть признаки, что эти временно отгѣсненные на второй планъ элементы церковнаго сознанія пробуждаются⁹⁾, и что вмѣстѣ съ ними пробуждается органическое чувство жизни, присущее имъ. На это указываетъ все направленіе нашего времени, устремленное къ живому и органическому. И великое предвозвѣщаютъ такія книги, какъ книга Андрэ... Самъ Гвардини и сподвижники его по религиозному обновленію германскаго католицизма изъ глубинъ церковной традиціи, а особенно изъ богатствъ церковной литургіи («литургическое движеніе!»). — аббатъ бенедиктинскаго монастыря Марія Плаахъ д-ръ Ильдефонсъ Хервегенъ, а также весь кругъ лицъ, связанныхъ съ Марія Плаахъ: патеръ Томасъ Михельсъ, патеръ Атаназіусъ Винтерзигъ, проф. Херманъ Плацъ, д-ръ Гетцени, монахи Бейронскіе (также бенедиктинцы) и многіе другіе¹⁰⁾ — свидѣтельствуютъ о томъ, что католическая Церковь есть *организмъ* и что она стремится къ ихъ лицѣ осознать себя прежде всего, какъ таковой. По вмѣстѣ съ тѣмъ сами они свидѣтельствуютъ и подчеркиваютъ, что *надо раскрыть католикамъ*

⁸⁾ Стр. 5.

⁹⁾ Срв. напр. замѣчательныя мѣста въ книгѣ католическаго богослова Роберга Гроше (Robert Grosche, Universitätsprediger in Köln. „Der Kolosser brief in Homilien erklärt“. 1926): „Въ теченіи долгаго времени у насъ было утрачено виднѣе внутреннѣйшей церковной сущности. У насъ отсутствовала предпосылка для такого мышленія. Языкъ Св. Павла замеръ и превратился въ почти мертвыя формулы; подъ ними мало что подразумевали. У насъ вообще почти уже отмеръ „органъ для общественности“ (по смыслу: соборности)... „И вотъ начало общенія снова открылось намъ. Мы увидѣли Церковь“... „Нынѣ мы снова видимъ Церковь, какъ зримое Тѣло Христово“... „Христость есть Глава, а мы Его члены“. Стр. 20.—21.

¹⁰⁾ Ildefons Herwegen; Pater Thomas Michels; Pater Athanasius Wintersig; Prof. Hermann Platz; Doktor Getzeny.

глаза на то, что Церковь есть организм; что сухое юридическое представление о Церкви затемнило въ умахъ воспріятіе ея, какъ живого мистическаго цѣлаго.

И болѣе того: сами они непослѣдовательны въ своей точкѣ вѣрнія и сохраняютъ идею *папскаго рѣшающаго авторитета*, несомѣстимую съ воспріятіемъ Церкви, какъ организма. Такъ напр., книга профессора Адама «Сущность католицизма»¹¹⁾, весьма замѣчательная, говоритъ съ высокимъ подъемомъ и благочестіемъ о Церкви, какъ о живомъ организмѣ; и тутъ же (какъ впрочемъ и Гвардини) отстаиваетъ непогрѣшимый авторитетъ Папы: ему Адамъ приписываетъ, въ согласіи съ римскимъ ученіемъ, центральное значеніе въ Церкви, т. е. авторитетъ, который «отысскитса» къ этой органической жизни, вырастаетъ изъ нея. Допустимъ на мигъ, что это такъ; но какимъ же образомъ онъ можетъ рѣшать тогда «изъ самого себя по не изъ согласія Церкви», согласно ватиканской формулѣ? Это — типичная католическая ошибка, зиждущаяся на внутреннемъ противорѣчій и вытекающая изъ стремленія примирить непримиримое: *органическое ученіе о Церкви и власть Папы, не зависящую отъ согласія Церкви*¹²⁾.

Въ богословскихъ бесѣдахъ съ католиками мы можемъ и должны апеллировать къ этому затемненному у нихъ, но не отрицаемому ими виоліѣ, ученію о Церкви, какъ о мистическомъ Тѣлѣ Христовѣ. На эту, общую съ католиками почву слѣдуетъ намъ становиться, чтобы показать имъ, что ихъ ученіе о непогрѣшимости папской власти и папскихъ функций въ Церкви — противорѣчитъ *общецерковному, апостольскому*, а потому, какъ мы видѣли, фактически нерѣдко и *изъ собственнаго ученія* о Церкви. Ученіе Ан. Павла о Церкви. — казалось бы, общая для насъ съ католиками предпосылка: болѣе того оно въ самомъ дѣлѣ есть для нѣкоторыхъ католиковъ глубоко ощущаемая и горячо исповѣдуемая истина, какъ и для нашей Церкви. Но въ своей дальнѣйшей системѣ римскій католицизмъ *не остается вѣрнъ* этому своему собственному и об нему съ нами, обоснованію жизни церковной.

Отклоненіе отъ этого русла древне-церковнаго воспріятія Церкви, какъ единаго живого организма, гдѣ истина раскрывается Духомъ Божиимъ, братьямъ, укорененнымъ въ жизни любви и въ жизни Духа, подъ единымъ невидимымъ Главою, Христомъ, отклоненіе отъ этого вѣконнаго и непреложнаго *мистическаго* ученія Церкви о собственной своей сущности —

¹¹⁾ Prof. Adam. „Das Wesen des Katholizismus“. 1925.

¹²⁾ Срв. напр. еще разсужденія въ старой книжкѣ вюрцбургскаго профессора Хеттингера: „Die kirchliche Vollgewalt des apostolischen Stuhles“. 1887. И здѣсь попытка говорить о непогрѣшимости Тѣла Церкви ведетъ къ подмѣнѣ этой непогрѣшимости — „непогрѣшимостью единовластнаго и полновластнаго Главы — Папы“. См стр. 125

облегчается для римскаго католицизма тѣмъ, что *самъ Папа*, сама папская *власть* воспринимается имъ (въ ущербъ истинному, основному воспріятію ея) — *мистически*. То, что принадлежитъ Церкви — берется у нея и этимъ украшается Папа: «*ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae*». Болѣе того: *то, что принадлежитъ Христу, переносится на Пону*. Этимъ и объясняются тѣ восторженныя, возвышенныя характеристики папской власти, которыя мы встрѣчаемъ у римскихъ католиковъ.

Такъ, одинъ изъ видныхъ французскихъ католическихъ прелатовъ-богослововъ, Монсеньоръ Прюнель, пишетъ про Папу въ своемъ курсѣ о религіи: «Папа, единственное въ мірѣ существо, которому воздають почти божескія почести»; и еще нѣсколько дальше: «блистаніе его сверхчеловѣческаго величія...»¹³⁾ «Съ каждымъ папою Христосъ пребываетъ вполне и совершенно въ таинствѣ и въ авторитетѣ», учить уже Тома Аквинскій. Въ Папѣ продолжается Боговоплощеніе или соединеніе Божества съ человѣчествомъ, занимающее середину между соединеніемъ въпостаснымъ и нравственнымъ, — такъ учить напр. Дирингеръ, католическій богословъ послѣ-ватиканскаго періода¹⁴⁾. Самъ Христосъ поставилъ его за Себя; поэтому къ нему надо относиться такъ, какъ относились бы къ Самому Христу, если бы Онъ оставался на землѣ, — провозглашаетъ католическая римская газета Чивильта (*Civiltà*)¹⁵⁾. Полна восторженныя восхваленія религиозно-мистическаго величія папской власти, напр., книжка извѣстнаго французскаго католическаго писателя Каррера¹⁶⁾. Но особенно типично пастырское посланіе, обращенное, послѣ избранія Папы Пія XI (1922), къ духовенству своей епархіи однимъ изъ самыхъ святыхъ и замѣчательныхъ представителей современнаго католичества, недавно скончавшимся примасомъ Бельгіи кардиналомъ Мерсье. Кардиналъ Мерсье былъ великій праведникъ и великій свѣточъ христіанскаго міра, соединявшій высокую просвѣтленность и мудрость духовную съ горячей любовью христіанской, изливавшейся и на ближнихъ, и на дальнихъ, высокій молитвенникъ и истинный, всѣмъ подвигомъ жизни своей, ученикъ Христовъ. Поэтому особенно показательны въ устахъ такого святого человѣка слѣдующія слова его пастырскаго посланія, въ которыхъ онъ описываетъ чувства трехсотъ милліоновъ католиковъ по поводу избранія новаго Папы:

«Въ глубинахъ своей совѣсти и въ полнотѣ личной своей свободы они принесли ему въ полный даръ вѣру свою и подчиненіе своего интеллекта и своей воли, и сыновнюю любовь,

¹³⁾ Monseigneur Prunel. Cours supérieur de religion.

¹⁴⁾ Последнія два цитаты заимствую у А. Лебедева О главенствѣ Папы. СПБ. 1887. Стр. 47—8.

¹⁵⁾ См. Janus. „Der Papst und das Concil“. Стр. 43.

¹⁶⁾ Carrère Le Pape. 1925. Книга написана, впрочемъ, не безъ реторизма,

готовые скорѣе, если надо будетъ, претерпѣть смерть, чѣмъ нарушить — я не говорю одно изъ его приказаній, но даже малѣйшее изъ желаній его». И далѣе онъ говорить о римско-католическомъ духовенствѣ: «Епископы и священники всѣ вѣрятъ и склоняютъ головы свои, и повинуются, не ожидая приказанія со стороны. заранѣе подписываясь подъ программой. содержаніе которой они даже не хотятъ знать: такъ велико ихъ убѣжденіе, что новый глава будетъ вѣрнымъ послѣдователемъ своихъ царственныхъ предшественниковъ. что въ вопросахъ вѣры и христіанской нравственности онъ не только не будетъ ошибаться, но и не можетъ ошибаться»¹⁷⁾.

Это обращеніе кардинала Мерсье къ подвѣдомственному ему духовенству только вѣрно передаетъ мистическое ощущеніе благоговѣйной вѣры и благоговѣйнаго подчиненія, возбуждаемое въ римскомъ католикѣ Римскимъ Папой. Римскій Папа. и его власть, и его «неогрѣшимый авторитетъ» — составляютъ предметъ *мистической вѣры* со стороны католиковъ. Церковь воспринимается ими не только въ неразрывной связи съ Папой, но и *черезъ Папу*.

Итакъ, это не «только» честолюбіе и славолубіе со стороны папъ и ихъ присныхъ, или духъ раболѣпства со стороны вѣрующихъ: то есть нѣкое *мистическое* приписываніе Папѣ свойствъ всей Церкви; это есть глубоко-искреннее, глубоко-благоговѣйное отношеніе къ папской власти, исполненное у вѣрующихъ католиковъ самыхъ трогательныхъ и горячихъ тоновъ. но вмѣстѣ съ тѣмъ это есть со стороны папской власти (хотя бы и не сознательная для участвующихъ въ ней) *религіозная и мистическая узурпація*. Папа нерѣдко получаетъ отъ вѣрующихъ, и принимаетъ, и — мало того — приписываетъ себѣ то, что не принадлежало бы ему даже, какъ и намѣстнику Христа, если бы даже и былъ таковой. но что принадлежитъ лишь самому Богу и Господу. Но нуженъ ли «намѣстникъ» Христу, сказавшему: «вотъ Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка»?

«Какъ Христу по воскресеніи дана власть на небеси и на земли, такъ и Папѣ безусловно принадлежитъ власть свѣтская и духовная». пишетъ папа Иннокетій III въ буллѣ «Novit». Знаменитый католическій богословъ XVI вѣка, кардиналъ Белларминъ, пишетъ про Папу: «Папа въ прямомъ и абсолютномъ смыслѣ слова выше вселенской Церкви»¹⁸⁾. И изъ этого принципа выводится слѣдующее нечестивое сужденіе, оскорбитель-

¹⁷⁾ Цигирую по англійскому переводу, приведенному въ статьѣ Д-ра Белла (Dr. Bell, Dean of Canterbury). „The Malines conversations“ въ журналѣ „The Church Quarterly Review“. April. 1928.

¹⁸⁾ См. „Disputationes de controversiis christianae fidei“ 1586—1593. II tomus. Controversia I, liber II, caput. 17: „Summus pontifex simpliciter et absolute est Supra ecclesiam universam“.

ное для нравствннаго чувства и несомвѣстимое съ достоинствомъ и свободой христіанина: «Если бы даже Папа впалъ въ заблужденіе, предписывая пороки и запрещаая добродѣтели, то церковь все же была бы обязана вѣрить, что пороки — добро, а что добродѣтели — зло, если бы она не захотѣла погрѣшить противъ своей совѣсти. Ибо церковь обязана въ сомнительныхъ вещахъ соглашаться съ судомъ высшаго іерарха (папы), и дѣлать то, что онъ предписываетъ, и не дѣлать того, что онъ запрещаетъ. И чтобы случайно не поступить противъ совѣсти, она обязана считать за добро то, что онъ приказываетъ, и за зло то, что онъ запрещаетъ»¹⁹⁾.

Это есть отказъ отъ христіанской свободы, отказъ отъ личной отвѣтственности передъ лицомъ Бога. Но Господь охраняетъ нашу нравственную свободу и высоко дорожитъ ею. Здѣсь римская доктрина (Белларминъ всегда былъ и до сихъ поръ является особенно авторитетнымъ и компетентнымъ излагателемъ римской доктрины) требуетъ отъ вѣрующаго того, что идетъ въ разрѣзъ съ духомъ Евангелія. «Вы куплены дорогою цѣною», писалъ Ап. Павелъ христіанамъ, «не дѣлайтесь рабами чловѣковъ». А здѣсь какъ разъ — христіане, Церковь дѣлаются рабами. Это — *духъ рабства*. Недаромъ кардиналъ Каэтанъ осмѣлился произнести кощунственное слово, въ которомъ однако, какъ въ увеличительномъ стеклѣ, ярко выступили нѣкоторыя несомнѣнныя тенденціи римскаго католицизма: «Церковь есть рабыня Папы» . . .

Отсюда, при постоянныхъ ссылкахъ на церковную традицію, — *фактическое презрѣніе* къ ней, произвольная однобокая выборка изъ нея того, что удобно, того, что годится для защиты папскихъ притязаній. Ибо Папа — выше Церкви, выше традиціи, выше Отцовъ! Епископъ Корнелій Муссо хорошо выразилъ это мирозерцаніе въ проповѣди, произнесенной имъ въ Римѣ въ концѣ XVI в.²⁰⁾: «что говорить Папа, то мы должны принимать, какъ если бы это говорилъ самъ Богъ. Въ дѣлахъ божественныхъ мы считаемъ его Богомъ; и въ таинствахъ вѣры я повѣрилъ бы одному Папѣ болѣе, чѣмъ тысячамъ Августиновъ, Иеронимовъ, Григоріевъ . . .».

Всѣмъ сердцемъ нужно намъ желать, чтобы это искаженіе ученія о Церкви было преодолено истинно вселенскимъ, истинно католическимъ сознаніемъ, дремлющимъ, но все же не умершимъ въ католичество . . . Трудно сейчасъ еще надѣяться на это, но невозможное чловѣкамъ возможно Богу.

Н. С. Арсеньевъ.

¹⁹⁾ Тамъ же. Tomus I. Controversia III: De summo pontifice. Liber IV, Caput 5.

²⁰⁾ Приведено у Döllinger: „Das Papsthum“ (bearbeitet von Friedrich) 1892, стр. 212.

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ВООРУЖЕННАГО ВЫСТУПЛЕНІЯ БѢЛЫХЪ.

(Окончаніе).

II.

Гораздо ближе можно подойти къ этимъ основнымъ причинамъ, остановившись на изученіи тыла бѣлыхъ, къ чему я и перейду.

Достаточно только одного бѣглаго взгляда, чтобы бросилось въ глаза то, неблагоприятное для бѣлыхъ, обстоятельство, что если, у красныхъ тыломъ, райономъ снабженія, неисчерпаемымъ источникомъ людского резерва, столь необходимаго на войнѣ, была *вся Россія*,—то тылъ бѣлыхъ почти неизбѣжно свѣшивался въ море, только временами, во время успѣховъ бѣлыхъ, отходя отъ него. Такимъ образомъ бѣлымъ до самаго конца приходилось добывать свои пополненія, какъ когда то первымъ добровольцамъ свои первые патроны и снаряды, — отбивая ихъ у противника.

Слѣдовало бы подробно остановиться на устройствѣ тыла бѣлыхъ, такъ какъ, быть можетъ это пришло бы ближе къ цѣли моего изслѣдованія. Но мѣръ возможности я и постараюсь это слѣлать.

Если красные, для урегулированія своего тыла, прибѣгали къ очень простому, но дѣйствительному средству, то есть къ террору, къ пулемету, которые всегда и на всякій тылъ дѣйствовали отрезвляюще, то бѣлые должны были примѣнять иныя мѣры. болѣе подходящія къ той закономѣрности, которую они неизбѣжно несли съ собою. У бѣлыхъ были губернаторы; между ними были и плохіе и хорошіе; но не было стражниковъ, то есть верхи тыловой администраціи просто лишены были исполнителей, ибо все то немногое, что было въ распоряженіи бѣлыхъ вождей по части людского матеріала, конечно въ первую голову поглощалось боевой линіей... И, какъ слѣдствіе, получалось — что при полномъ произволѣ въ тылу красныхъ, тамъ царилъ относительный порядокъ, а при полной законности въ тылу бѣлыхъ — тылъ ихъ былъ безусловно далекъ отъ порядка...

Я не могу останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи всего того, что дѣлалось въ бѣломъ тылу — я не могу перечислять всѣ мѣры по аграрному вопросу, финансовому и инымъ законодательствамъ; — каждый изъ участниковъ вооруженной борьбы бѣлыхъ можетъ по своей специальности дать не мало матеріала для разработки этихъ вопросовъ; я лично хочу остановиться только на обстоятельствахъ непосредственно вліявшихъ на положеніе бѣлаго тыла, и на томъ, почему это

было такъ, а не иначе. Последнее вытекаетъ уже изъ моихъ указаній на методы сторонъ въ этой напряженной борьбѣ.

Были *возстанія*, но въ этомъ отношеніи оба тыла, обѣ стороны были въ одинаковомъ положеніи — возстанія были и тутъ и тамъ; и въ этомъ отношеніи образцомъ можетъ служить разбойникъ Махно, который, несмотря на все свое моральное тяготѣніе къ краснымъ, съ одинаковымъ увлеченіемъ дрался и противъ нихъ, и противъ бѣлыхъ.

Быль бичъ тыла *тиффъ* — но быль онъ и тутъ и тамъ. И бѣлые, и красные, занимая раіоны расположенія противника, натыкались на безконечное количество труповъ, на мертвые поѣзда, не имѣвшіе въ своемъ составѣ ни одного живого человѣка...

Бичемъ бѣлаго тыла была красная пропаганда. Въ этомъ вопросѣ красные преобладали, такъ какъ она была поставлена у нихъ лучше, чѣмъ у бѣлыхъ. да и надо признаться, что лозунги, проводившіеся ими въ жизнь были всегда безконечно болѣе заманчивыми для массы, чѣмъ то, что могли предложить ей пропагандисты бѣлаго фронта... Дальше чѣмъ «грабь награбленное», «все дозволено» и настоятельнаго обѣщанія рая на землѣ, все равно идти было невозможно!

Пропаганда была могучимъ факторомъ, разрушавшимъ бѣлый тылъ; воспримчивость къ ней толпы, имѣвшей свой рупоръ въ городскихъ базарахъ, была поразительна; но на толпу эту — и не только на толпу. но и на такъ называемые общественные круги въ бѣломъ тылу — не меньше красной пропаганды дѣйствовала и другая работа — работа русской интеллигенціи отчасти и несоціалистическаго толка, но, конечно главнымъ образомъ работа самихъ соціалистовъ...

Если первые, то есть радикальные интеллигенты дѣйствовали порой просто бессознательно, повторяя старые зады и пассивацїи годами теоріи, то вторые дѣйствовали конечно совершенно сознательно.

Въ своемъ дневникѣ, въ записи относящейся къ 10-му іюня 1919 года И. А. Бунинъ рассказываетъ, какъ вся Одесса съ замѣраніемъ въ сердцѣ прислушивалась къ тому, что дѣлается на фронтѣ и нервно гадала, удастся ли добровольцамъ сломить сопротивление красныхъ и занять городъ. или же Одессѣ суждено оставаться подъ краснымъ игомъ: «Вечеромъ я у Р... и опять: я ему объ успѣхахъ добровольцевъ, а онъ о томъ, что они въ занятыхъ областяхъ «насилуютъ свободу слова» — кусаться можно кинуться». Да, надо согласиться: разговаривать съ этими людьми было невозможно!

Обращаясь къ дѣятельности соціалистовъ въ бѣломъ тылу, надо разъ на всегда установить слѣдующее: лозунгъ Керенскаго и комп. «*Ни Ленинъ, ни Колчакъ*», при настойчивой работѣ соціалистовъ противъ всякаго личнаго и собирательнаго «Колчака», *всегда говорилъ о работѣ за Ленина!*

И въ дѣйствительности, работая противъ Колчака, можно было помогать только его противнику; не сознавать этого не могли даже и социалисты!

Для наглядности обратимся къ фактамъ. Въ Сибири почтенная работа социалистовъ, о которой съ гордостью достойной лучшей участи прямо и открыто говорить въ своей брошюрѣ членъ учредительнаго собранія Солодовниковъ¹⁾, велась по строго продуманной программѣ и, пройдя черезъ открытое возстаніе, устроенное социалистами во Владивостокѣ, дошла до прямого предательства и выдачи адмирала Колчака и его министра Попеляева въ руки большевиковъ, конечно на смерть и на издѣвательство...

Что мы видимъ на Сѣверѣ? Конечно, постоянную борьбу за власть и всяческія попытки насажденія столь несвойственныхъ здоровой арміи и массѣ офицерства и добровольцевъ социалистическихъ лозунговъ. Нельзя винить престарѣлаго и лично порядочнаго Чайковского за то, что ему, несмотря на нахожденіе его во главѣ правительства, вмѣстѣ съ его «министрами» типа Бориса Соколова и общественными дѣятелями образца Скоморохова, это насажденіе не удалось... они сдѣлали съ своей стороны рѣшительно все для разложенія бѣлаго тыла и фронта и... для торжества краснаго противника.

То же самое происходило на Западѣ, съ «работавшими» тамъ Кирдецовымъ, впоследствии смѣловѣховцемъ, имѣвшимъ тогда несомнѣнное вліяніе на бѣлую прессу, съ «министромъ» Ивановымъ и т. д.

И менѣе всего на Югѣ! Менѣе всего потому, что въ этомъ случаѣ на Югѣ опредѣленнѣе всего высказались вожди. Я не могу до сего времени установить болѣе или менѣе точно, дѣйствительно ли правильны свѣдѣнія о томъ, что въ 1917 году въ Ростовъ пріѣзжалъ и дѣлалъ попытки проникнуть къ генералу Алексѣеву пресловутый главковерхъ Керенскій; быть можетъ это и такъ; однако и онъ понялъ, что среди преданныхъ имъ же на растерзаніе черни офицеровъ, — ему дѣлать нечего. Но достовѣрно, что Савинковъ тамъ былъ, и несомнѣнно, что онъ дѣлалъ шаги для того, чтобы быть принятымъ верхами бѣлыхъ въ свой кругъ для «совмѣстной работы»; вопросъ былъ рѣшенъ категорическимъ отказомъ генерала Деникина, тогда еще не главнокомандующаго, не соглашавшагося даже присутствовать на одномъ засѣданіи съ Савинковымъ.

Была и еще одна попытка, которая, какъ мнѣ кажется, могла дать для социалистовъ положительные результаты въ смыслѣ возможности положить руку на дѣятельность бѣлаго командованія. Я имѣю въ виду попытку группы членовъ учредительнаго собранія, выпустившей въ Екатеринбургѣ газету

¹⁾ „Сибирскія авантюры и генералъ Гайда“.

«Родная Земля». Во главѣ группы былъ Григорій Шрейдеръ, который имѣлъ развязность начать говорить добровольцамъ о генералѣ Корниловѣ, о томъ, что слѣдуя его завѣтамъ, добровольцы должны идти влѣво и т. д. Съ этой провокаціей пришлось бороться рѣшительно: въ одинъ прекрасный день, когда Шрейдеръ разразился диорамами по адресу генерала Корнилова, — въ редактируемой мною съ В. В. Шульгинымъ газетѣ «Россія» было просто перечитано безъ всякихъ комментаріевъ, августовское воззваніе городского головы Петербурга Григорія Шрейдера, призывавшаго петроградскій пролетаріатъ подняться на выступившаго противъ Временнаго правительства измѣнника Корнилова... Результатъ этого выступления былъ неожиданный и для насъ — Шрейдеръ былъ высланъ изъ предѣловъ занятыхъ Добровольческой арміей, его газета закрылась и его группа потеряла всякое вліяніе.

Однако я слишкомъ долго останавливаюсь на этомъ вопросѣ — вѣроятно слишкомъ онъ наболѣлъ у каждаго изъ насъ, чтобы пройти мимо него...

Выгодъ одинъ — социалисты были всегда *естественными врагами бѣлыхъ* и тѣмъ самымъ несомнѣнно *помогали краснымъ*, для которыхъ они были во многихъ отношеніяхъ «своими...». —

Подходя къ заключенію въ вопросѣ о добровольческомъ тылѣ, я остановлюсь еще на двухъ ходячихъ упрекахъ, которые иногда выдвигаются противъ бѣлыхъ со стороны нѣкоторыхъ круговъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Во первыхъ вопросъ о *грабежахъ*. Я остановлюсь на немъ только потому, что о немъ *говорятъ*... Да, грабежи въ тылу бѣлой арміи были, отрицать это нельзя и никто отрицать это и не предполагаетъ! Надо только къ этому вопросу подойти съ нѣсколькимъ иного конца, чѣмъ это дѣлалось до сего времени.

Я лично принималъ участіе въ японской войнѣ, имѣвшей безукоризненно налаженный тылъ (хотя бы потому, что войска все время на него отходили); я принималъ участіе въ великой войнѣ, на европейскомъ фронтѣ ея — и долженъ установить слѣдующее. Всегда и всюду, при самой дисциплинированной арміи, при самомъ налаженномъ тылѣ, даже при психикѣ, нравственно непоколебленной неудачами или революціей, — грабежи, были, есть и будутъ... Да и что въ этомъ удивительнаго? Природа войны настолько ужасна, обыденность ея настолько жестока, что человѣческая натура, въ основу которой, какъ мы къ сожалѣнію хорошо убѣдились, заложено столько гнуснаго, не можетъ не отозваться на соблазнъ «безнаказаннаго» преступленія... Несомнѣнно, что солдатъ вошедшій въ домъ мѣстнаго жителя съ винтовкой въ рукахъ, чувствуетъ себя полновластнымъ господиномъ и ведетъ себя именно такъ, какъ съ его точки зрѣнія подобаетъ вести себя въ этомъ званіи.

Если все это въ полной мѣрѣ примѣнимо ко всякой войнѣ, что лично для меня несомнѣнно, то въ какой же мѣрѣ это подтверждается въ войнѣ *гражданской*, особенно жестокой, хотя бы уже потому, что въ ней каждый *самъ* себѣ выбираетъ свой фронтъ борьбы и естественно усматриваетъ въ каждомъ, кого онъ видитъ по ту сторону боевой линіи, въ томъ числѣ и въ обывателѣ никакого участія въ этой борьбѣ не принимающемъ — врага, котсраго онъ «имѣетъ право» использовать для своего, хотя бы и минутнаго, благополучія . . .

Я конечно ни въ коемъ случаѣ не хочу сказать, что съ этимъ фактомъ не слѣдуетъ бороться; — конечно слѣдуетъ и эта борьба на югѣ Россіи велась, — отъ приказовъ генерала Деникина до разстрѣловъ генерала Врангеля включительно. Борьба необходима, но не надо закрывать глаза и на то, что результатомъ этой борьбы будетъ всегда не уничтоженіе, а только *уменьшеніе* размѣровъ зла!

Я не могу не вспомнить, что даже въ голой Манджуріи, при строгой дисциплинѣ тогдашней арміи, солдаты умудрялись грабить, хотя объектовъ, кромѣ никому ненужныхъ мелочей китайскаго обихода и объекта «натуральнаго» грабежа у грязныхъ и чуждыхъ китайнокъ — не было!

Характерно и несомнѣнно то обстоятельство, что при успѣхѣ арміи, при ея поступательномъ на противника движеніи, грабежей всегда меньше, — они всегда увеличиваются при отходѣ и довольно понятно, *почему*. Особенно это замѣтно въ отходахъ гражданской войны, когда передъ каждымъ, потерявшимъ мѣру дозволеннаго и не дозволеннаго, бойцомъ, уже открывается перспектива «чернаго дня», который грозитъ ему не на время, а на всю жизнь . . . И всетаки добровольцы генерала Врангеля покинувшіе Крымъ пришли въ лагеря Галлиполи, Лемноса и Кабаджи, *голыми нищими* . . . Такими же голыми нищими были и участники бѣлой борьбы на всѣхъ ея фронтахъ.

Я не буду останавливаться на томъ, что и у красныхъ грабежи конечно были, какъ они бывають по моему убѣжденію. всюду; — это конечно не оправданіе для бѣлыхъ.

И дѣлая сводку всему мною сказанному о грабежахъ — я повторяю: они были, но конечно не они были причиною неуспѣха.

Если я не прошелъ мимо обвиненій въ грабежахъ, то я не могу игнорировать и того, что принято распространять о *погромахъ*.

Въ этомъ отношеніи я буду болѣе, чѣмъ кратокъ: я совершенно опредѣленно утверждаю, что въ районахъ дѣйствія бѣлыхъ армій *еврейскихъ погромовъ* т. е. организованнаго уничтоженія и ограбленія евреевъ, ибо только ихъ имѣють въ виду, — *не было* . . . Утверждаю это и постараюсь доказать, считая, что и генераль Деникинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ (т. V стр. 146), впадаетъ въ ошибку.

Скажу прежде всего, что всѣ свѣдѣнія о погромахъ, якобы имѣвшихъ мѣсто на югѣ Россіи, т. е. въ районахъ «черты осѣдлости» евреевъ (остальные фронты проходили по мѣстамъ, гдѣ почти отсутствовало еврейское разселеніе), — *тенденціозно преувеличены*. — Всѣмъ конечно памятно, что по газетнымъ свѣдѣніямъ о случаяхъ, такъ называемой «армянской рѣзни» значительное количество разъ писалось, и взывалось къ цивилизованному міру, и всегда въ одинаковыхъ выраженіяхъ, гласившихъ о томъ, что каждый разъ армянь вырѣзали *всѣхъ поголовно* . . . Нѣчто подобное происходитъ и съ еврейскими погромами на югѣ Россіи. Такъ въ Берлинѣ мнѣ пришлось слышать отъ одного докладчика, что петлюроэцами въ Проскуровѣ было уничтожено . . . 60 000 евреевъ! Не надо доказывать насколько это правдоподобно для города тысячъ въ 15 жителей!

Я не противорѣчу себѣ, сначала говоря о томъ, что погромовъ въ бѣлой арміи *не было*, а потомъ о томъ, что *свѣдѣнія преувеличены* . . . Я только считаю, что моей задачей не можетъ являться разборъ вопроса о томъ, учинялись ли погромы отрядами Петлюры, Григорьева и другихъ украинцевъ, или отрядами ихъ противника-единомышленника Буденнаго!

Но если согласиться со мною что въ бѣлой арміи *еврейскихъ погромовъ* не было, то откуда же идетъ дымъ, отъ какого огня?

Очень просто — я утверждаю, что не было *еврейскихъ* погромовъ. То что стараются выдать за *еврейскіе* погромы, есть не что иное, какъ проявленіе тѣхъ инстинктовъ, о которыхъ я говорилъ въ отдѣлѣ моего изслѣдованія о грабежахъ . . . Были нарушенія дисциплины, были покушенія на имущество, а иногда и на жизнь мѣстныхъ жителей, были грабежи и даже убійства; это было. Я лично знаю о случаяхъ въ районѣ Кіева. Фастова, Бѣлой Церкви, которые потомъ были спеціальной прессой раздуты въ *еврейскіе* погромы . . . Это были удары по населенію; за это были расформированы 2-ая кубанская пластунская бригада и Осетинскій конный полкъ; долженъ былъ быть расформированъ Волчанскій отрядъ есаула Яковлева . . . Однако отъ этихъ проявленій отрицательнаго тина *страдало какъ еврейское, такъ и христіанское населеніе затѣченнаго безпорядками района* . . . Но о несчастныхъ христіанахъ конечно никто не кричалъ въ міровой прессѣ. Можетъ быть случайно еврейское населеніе иногда страдало больше; но вѣдь въ этихъ мѣстечкахъ *евреевъ* просто *численно было больше* и они были *богаче* — естественно что они страдали отъ этихъ безчинствъ (противъ которыхъ все время рѣзко выступало бѣлое командованіе) больше, чѣмъ христіанская часть населенія . . .

Выводъ одинъ — свѣдѣнія объ *еврейскихъ* погромахъ учиненныхъ у бѣлыхъ, это только ничѣмъ неприкрытая демагогія и выигрышный способъ борьбы съ бѣлыми, который широко практикуется и по сей день и красными, и ихъ социалистическими единомышленниками . . . не больше!

Заканчивая часть моего доклада, посвященную вопросу тыла (котораго, между прочимъ. совершенно не было у бѣлыхъ въ періодъ командованія арміей генераломъ *Врангелемъ*, ибо тогда весь Крымъ былъ, въ сущности говоря, военнымъ райономъ), я скажу только, что тылъ, какъ и всегда на войнѣ, былъ конечно тяжелъ для обѣихъ сторонъ. Для приведенія его въ порядокъ надо было проявлять *во много разъ больше принужденія*, и, быть можетъ, *жестокости*, чѣмъ это могли проявить бѣлые; конечно, красные не стѣснялись примѣнять и гораздо большую мѣру жестокости. Напомню, что добровольцы генерала Алексѣева 23-го февраля 1917 года уходили изъ богатаго Гостова безъ гроша денегъ и полуголые. Я знаю случай, когда одинъ изъ горчичныхъ «королей» Царицына далъ на добровольцевъ . . . двѣ сорокарублевья керенки . . . возможно ли было что либо подобное въ районахъ занятыхъ красными!? —

Такимъ образомъ, я подошелъ постепенно къ главной части моего изслѣдованія, къ разсмотрѣнію тѣхъ причинъ, которыя я считаю непосредственными причинами неуспѣха вооруженнаго выступленія бѣлыхъ. Мнѣ кажется, что изъ всего того, что я сказалъ до сихъ поръ, онѣ уже настолько ясны, что мнѣ остается досказать и уточнить совсѣмъ немногое.

Что же именно я считаю непосредственными, истинными причинами неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ? Что именно было тѣмъ роковымъ обстоятельствомъ, которое отдалило отъ нашей Родины ея освобожденіе и въ конечномъ результатѣ пришло бѣлое освободительное движеніе къ его современной, если можно такъ назвать, заграничной стадіи?

Первой и основной причиной я считаю настроеніе населенія тѣхъ областей, по которымъ шло наступленіе бѣлыхъ.

Въ самомъ началѣ моего изслѣдованія я уже отчасти остановился на характеристикѣ этого явленія. Окраины, естественно привлекшія къ себѣ взгляды тѣхъ русскихъ людей, которые не захотѣли подчиниться установленной въ центрѣ диктатурѣ, *не знали большевизма*, то есть, вѣрнѣе не знали результатовъ практическаго его примѣненія къ пикурѣ обывателя. Они не испытали прелестей совѣтскаго рая и не смогли дать полного напряженія, чтобы предотвратить надвигавшіяся на нихъ испытанія и мученія.

Населеніе этихъ областей конечно знало войну, которая утомила всю Россію; населеніе знало и революцію, которая дала, такъ называемыя, «свободы» принесенныя ею! Населеніе съ легкой руки солдатъ, знавшихъ на фронтѣ только декларацию *правъ*, но не *обязанностей* солдата, знало только о своихъ правахъ и совершенно не представляло себѣ, что права эти все еще связаны съ какими то обязанностями.

На территоріи этого населенія шла настоящая война, гражданская война съ ея выстрѣлами, которые не всегда попадаютъ

только въ тѣхъ, кто борется на линіи огня; съ ея репрессіями не только по отношенію къ людямъ и ихъ имуществу, но и къ самимъ селеніямъ, которыя иногда, въ процессѣ боя, безпощадно и неизбежно сравниваются съ землею... Населеніе должно было поступиться своими правами, своими удобствами. Армія бѣлыхъ не была той снабженной и организованной арміей, которую мы привыкли представлять себѣ, произнося это слово: немедленно по соприкосновеніи съ населеніемъ она вынуждена была брать у него подводы, лошадей, запасы и накопецъ и самихъ людей!

Война на данной территоріи всегда несетъ съ собою много лишений и страданій. Война, а въ особенности гражданская, *сама себя кормитъ и пополяетъ!* И конечно населеніе не могло привѣтствовать этого; оно, какъ я уже сказала, думало не объ обязанностяхъ, а только о правахъ, и отъ бѣлыхъ ожидало только немедленнаго возстановленія порядка и нормальныхъ условій жизни, съ своей стороны совершенно не думая оказывать этому хотя какое либо содѣйствіе.

Вся сумма этихъ *непріятностей*, приводимыхъ затянувшейся войной, очень остро переживалась населеніемъ; въ то же время его усиленно развращала красная и социалистическая пропаганда обѣщаніями избавленія отъ всѣхъ этихъ напастей, обѣщаніями полного благополучія и полного господства, какъ извѣстно, соблазнившими не одну только Россію, но смущающими и досель не малую часть населенія всего міра...

Все это сводилось къ тому, что неудобства, приносимыя бѣлыми *возстановляли населеніе противъ нихъ.*

Отсюда постоянное оппозиціонное настроеніе, начиная отъ интеллигентскихъ благоглупостей, о которыхъ говорить приведенная мною выдержка изъ дневника И. А. Бунина, и кончая социалистическимъ порыводѣствіемъ, а также распространеніемъ среди населенія нелѣпныхъ теорій о готовности бѣлыхъ «насадить старый режимъ» (чего конечно не было), и о «возвращеніи земли помѣщикамъ» (что прорывалось только въ чаяніяхъ и вождѣленіяхъ отдѣльныхъ лицъ, дорвавшихся до своихъ владѣній и не понявшихъ, что между прошлымъ и настоящимъ прошла революція). Вотъ почему такъ легко вѣрили красной пропагандѣ, изображавшей полуголоое и голодное (и въ прошломъ, и въ настоящемъ) русское офицерство, составлявшее кадры бѣлыхъ армій, какъ «помѣщиковъ», «банкировъ» и т. д.

Недостатки о которыхъ я говорилъ — въ сферѣ административнаго управленія, финансовыхъ мѣръ и аграрныхъ распоряженій—принимались за *зломатренность*; и въ результатѣ населеніе, не только въ лицѣ крестьянской массы, но порой и городской интеллигенціи, какъ это ни странно сейчасъ слы-

шать, сначала не шло дальше пожеланія приходившимъ бѣлымъ — «Помоги вамъ Пресвятая Богородица», и совершенно не хотѣло принять на себя хоть часть этой «помощи», а потомъ начинало мечтать объ избавленіи, которое конечно должно было придти съ красной стороны, ибо иного ничего не было!

Въ конечномъ результатѣ получалось совершенно нелѣзное, но одинаково типичное для всѣхъ бѣлыхъ фронтовъ положеніе:

Когда уходили красные — населеніе съ удовлетвореніемъ подсчитывало, что у него осталось . . .

Когда уходили бѣлые — населеніе со злобой высчитывало, что у него взяли . . .

Красные грозили и грозили весьма недвусмысленно взять все и брали часть — населеніе было обмануто и . . . удовлетворено. Бѣлые обѣщали законность, брали немного — и населеніе было озлоблено . . .

Бѣлые несли законность и потому имъ ставилось всякое лыко въ строку . . .

Такимъ путемъ изъ главной, основной причины неуспѣха вооруженнаго выступленія бѣлыхъ я прихожу къ той, которая вытекаетъ изъ первой: *отсутствіе у бѣлыхъ методовъ дѣйствій, которые требовались жестокою обстановкой гражданской войны и небывалой разрухи.*

Если красные «работали» дубиной по обывательскимъ головамъ, несли революціонный режимъ, грабили «награбленное», уничтожали остатки стараго режима и . . . казнили и убивали за все безъ исключенія, за всякій намекъ на сопротивленіе, то бѣлые, быть можетъ въ силу своего наименованія, (даннаго имъ, какъ и ихъ противникамъ самую жизнью) «работали» въ бѣлыхъ перчаткахъ, насаждали законы, призывали къ ихъ исполненію и тѣмъ самымъ сами же связывали себѣ руки и не получали сочувствія уже распущеннаго и развращеннаго демагогіей населенія.

Красные обѣщали все, бѣлые только то, что полагалось по закону . . .

Красные въ видѣ аргумента и мѣры убѣжденія имѣли терроръ и пулеметы; бѣлые угрожали . . . закономъ.

Красные отрицали рѣшительно все и возвели въ законъ произволь; бѣлые, отрицая красныхъ, конечно не могли не отрицать и примѣняемые красными методы произвола и насилія . . . Бѣлые не сдумѣли или не смогли быть фашистами, которые съ перваго момента своего бытія стали бороться методами своего противника! И быть можетъ именно неудачный опытъ бѣлыхъ и научилъ впоследствии фашистовъ? . . .

Населеніе ничего не требовало отъ красныхъ, такъ какъ единственно что оно могло, понавши въ ихъ руки желать — покой, оно требовать конечно не рѣшалось! Отъ бѣлыхъ же

населеніе требовало... чуда, требовало для того, чтобы дать имъ свою поддержку, въ которой не отказывало съ самаго начала бѣлаго движенія; оно требовало чтобы бѣлые, единымъ маніемъ бѣлой руки, смыли съ Россіи всю кровь... Это конечно было неосуществимо: бѣлые не только не были чудотворцами, они не были и фокусниками, хотя бы въ небольшой части того, насколько это было присуще краснымъ!

На этомъ, въ сущности говоря, я могъ бы закончить мое изслѣдованіе, такъ какъ считаю мою задачу, въ мѣрѣ мнѣ доступной, выполненной! Въ заключеніе только суммирую все мною сказанное и сдѣлаю самые краткіе выводы.

Условія стратегии и тактики, ошибки и промахи, сдѣланные бѣлыми въ этой области, вопросы идеологіи бѣлыхъ, качества ихъ вождей и армейской массы — все это, при всемъ томъ, что я упоминалъ на протяженіи моей работы — ни въ комъ случаѣ не было причиной неудачи вооруженнаго выступленія бѣлыхъ. Въ этомъ отношеніи нѣсколько выдѣляется только то, что мною было приведено въ доказательство отсутствія необходимой гибкости въ характерѣ бѣлыхъ вождей!

Политика «союзниковъ» въ русскомъ вопросѣ, ихъ, всегда въ корнѣ своекорыстное поведеніе, неумѣнье или нежеланіе бѣлыхъ использовать «нолорожденныхъ иностранцевъ», въ лицѣ лимитрофныхъ государствъ и даже украинцевъ и, наконецъ, *тылъ* всегда и всюду, въ той или иной мѣрѣ разложенный — все это скорѣе приближается къ тому, что послужило причиной неуспѣха бѣлыхъ, быть можетъ и потому, что все то, что портило бѣлый тылъ, вытекало въ свою очередь изъ тѣхъ причинъ, которыя я считаю главными причинами неуспѣха — *неизжитость населеніемъ большевизма и индифферентизмъ охватывавшій населеніе*, когда оно убѣждалось, что порядокъ не возстанавливается бѣлыми по мановенію волшебнаго жезла. Устранить эту послѣднюю причину, исправить ея злонасыная послѣдствія мѣшали основныя качества бѣлыхъ, которые не смогли *принудить* населеніе относиться къ себѣ иначе! Я говорю именно о принужденіи, такъ какъ изъ всего того, что я уже высказалъ, явствуетъ, что иныя мѣры, такъ охотно примѣнявшіеся бѣлыми, мѣры законныя — успѣха не имѣли!

Мнѣ кажется, что если бы исторія угодно было поставить нашь передъ повтореніемъ возможности восстановленія бѣлыхъ фронтовъ въ Россіи — послѣднія двѣ причины, непосредственно приведшія къ проигрышу кампаніи — не могли бы имѣть мѣста! Съ одной стороны населеніе узнало, что такое большевизмъ на горькой практикѣ минувшихъ годовъ, съ другой стороны — бѣлые, перенеся горечь пораженія, несомнѣнно стали бы дѣйствовать иначе! Это несомнѣнно уменьшило бы разстояніе между ними и населеніемъ, раздѣлявшее обѣ стороны во время существованія бѣлыхъ фронтовъ!

Нельзя не обратить вниманія еще на одно обстоятельство. При всемъ разнообразіи бѣлыхъ фронтовъ или вѣрнѣе областей въ которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, при разнообразіи условій времени, лицъ и обстановки, всѣ бѣлые фронты, безъ исключенія пережили одинаковыя стадіи бытія; и это, мнѣ кажется подтверждаетъ тѣ обобщенія и выводы, которыя я попросовалъ установить для всѣхъ нихъ.

На самомъ дѣлѣ, не показательна ли *одинаковость* въ ихъ судьбѣ! Всѣ они проходили буквально черезъ одно и то же...

Сборъ со всѣхъ сторонъ. Энтузіазмъ первыхъ кадровъ... Приведу по фронтамъ — переворотъ адмирала Колчака на востокѣ, выступленіе капитана II ранга Чаплина на Сѣверѣ, успѣхи ничтожныхъ силъ генерала Родзянко на западѣ и движеніе въ сплошной массѣ противника арміи генерала Корнилова на югѣ...

Наступленіе, успѣхъ... Выдвиженіе къ Казани и Волгѣ на востокѣ, выдвиженіе передовыхъ отрядовъ къ Вологдѣ на сѣверѣ, подходъ къ Петрограду на западѣ и линія Саратовъ — Воронежъ — Курскъ — Кіевъ — Могилевъ Подольскій — на югѣ...

Неурядицы тыла... возстаніе во Владивостокѣ — въ Сибири, правительственныя осложненія на сѣверѣ, тоже самое на западѣ, и Махно на югѣ...

Союзники... противодѣйствіе чехословаковъ на востокѣ, уходъ англичанъ на сѣверѣ, англійскій флотъ подѣ Петроградомъ на западѣ, первая Одесса и первый Крымъ на югѣ...

Отходъ... разложеніе...

Предэвакуаціонный развалъ, январь—февраль 1920 года... Выдача адмирала Колчака на востокѣ, возстанія въ Архангельскѣ и Мурманѣ — на сѣверѣ, попытки арестовать генерала Юденича на западѣ и офицерскія выступленія въ Поворосійскѣ и Севастополѣ — на югѣ!

Только Крымъ генерала Врангеля, со всѣми своими особенностями, которыя не входятъ въ рамки моего изслѣдованія, и съ его безпримѣрной эвакуаціей, избѣжалъ общаго шаблона!

Мнѣ кажется что изъ всего сказаннаго можно сдѣлать одинъ и не малый выводъ: *бѣлые* могли бы побѣдить красныхъ, если бы они сами, въ своихъ методахъ, въ своей дѣятельности... стали тоже красными. Но, несомнѣнно и то, что они могли быть только бѣлыми! За ними осталось ихъ незапятнанное прошлое, ихъ безпредѣльная любовь къ родинѣ, ихъ горькій опытъ бывшихъ неудачъ... И я хочу вѣрить, что они добьются столь необходимыхъ имъ матеріальныхъ и политическихъ возможностей и, оставаясь сами собой, *побѣдятъ какъ бѣлые!*

А. фонъ-Лампе.

I. ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

Желѣзнодорожное строительство въ Россіи началось въ 1832 г. Какъ и во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы, начиналось оно робко, нерѣшительно. Къ желѣзнымъ дорогамъ относились съ недоувѣріемъ, видѣли въ нихъ еще неиспытанное, быть можетъ опасное новшество. Крымская война 1853—54 года, во время которой недостатокъ желѣзныхъ дорогъ и путей сообщенія вообще чувствовался очень остро и была одной изъ главнѣйшихъ причинъ нашихъ неудачъ, дала рѣшительный толчекъ желѣзнодорожному строительству. Къ участию въ этомъ строительствѣ былъ привлеченъ частный капиталъ и въ теченіе приблизительно 15 лѣтъ (1861—1876) было открыто для общаго пользованія 19 813 верстъ желѣзныхъ дорогъ, принадлежавшихъ 43 частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ. Казнѣ принадлежало только 62 версты. Желѣзнодорожная сѣть была раздѣлена между различными обществами, преслѣдовавшими свои частныя цѣли; тарифы находились въ хаотическомъ состояніи; казнѣ приходилось постоянно выдавать субсидіи и гарантировать извѣстный минимальный доходъ... — Все это вызвало въ концѣ 1880-хъ годовъ рѣзкое измѣненіе нашей желѣзнодорожной политики. Въ желѣзнодорожномъ строительствѣ настала новая эпоха, неразрывно связанная съ именемъ С. Ю. Витте. Было приступлено къ сооруженію большой *казенной* желѣзнодорожной *сети* и въ то же время къ *выкупу* частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожное строительство достигло наивысшаго подъема къ пятилѣтію 1894—99 года, когда было выстроено 14 887 верстъ, т. е. по 2977 верстъ ежегодно, цифра, небывалая ни до, ни послѣ этого періода. Наряду съ постройкой новыхъ казенныхъ дорогъ, производился и выкупъ частныхъ: въ собственность государства за время 1887—1901 г. перешло 20 497 верстъ частныхъ жел. дорогъ. Все же часть ихъ продолжала находиться въ рукахъ частныхъ обществъ, состоявшихъ подъ контролемъ государства. На 1 января 1914 года (последній довоенный годъ) изъ общаго числа жел. дорогъ общаго пользованія (кромѣ Финляндскихъ и Восточно-Китайскихъ ж. д.) — 69%, т. е. 64 457 верстъ принадлежало казнѣ, а 31% частнымъ обществамъ.

Необходимо установить и признать, что русская желѣзнодорожная сѣть никогда не находилась въ настоящемъ соотвѣтствіи съ населеніемъ имперіи и особенно съ размѣрами ея территоріи; оборудованіе ея также никогда не соотвѣтствовало потребностямъ транспорта. По числу верстъ рельсовыхъ путей на 10 000 жителей Россіи занимала 16-ое мѣсто среди 20 Европейскихъ государствъ, а по числу верстъ желѣзнодорожнаго пути на 100 кв. верстъ площади (1 верста рельсового пути на 100 кв. верстъ

площади) — последнее. По сравнению съ другими государствами густота русской жел. дорожной сѣти была въ 5 разъ меньше, чѣмъ густота германской и французской и въ 7 разъ меньше ж. д. сѣти Сѣв. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Среднее ежегодное количество желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ въ періодъ съ 1914 до 1913 года равнялось всего 1300 верстамъ. Были періоды, когда строилось гораздо больше, какъ уже указанный выше періодъ 1894—99 г., но въ послѣдующіе годы *ростъ жел. дорожной сѣти рѣшительно оставалъ отъ экономическаго развитія страны* и въ последнее предвоенное пятилѣтіе 1910—1914 г., при исключительномъ экономическомъ подъемѣ въ странѣ цифра постройки новыхъ дорогъ равнялась всего 3 466 вестамъ, т. е. по 693 версты въ годъ въ среднемъ; т. е. она не превышала цифру ежегодныхъ построекъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. «Нашъ общій грузооборотъ по меньшей мѣрѣ въ 2-3 раза обгонялъ пропорціональное увеличеніе сѣти» — пишетъ проф. П. И. Фоминъ.

Густота нашего жел. дорожнаго движенія по расчетамъ инженера Фомина, росла съ головокружительной быстротой. Въ періодъ 1908—1914 г. грузовое движеніе возростало въ среднемъ на $6\frac{1}{2}\%$ ежегодно, въ то время какъ соответственный ростъ этого движенія въ Германіи, Франціи и въ Соед. Штатахъ равнялся всего 2,5—3%. Недостатокъ желѣзнодорожной сѣти вызывалъ *острую потребность въ новомъ строительствѣ*. «Желѣзнодорожное строительство должно было стать, по словамъ профессора Гриневецкаго — осью всей экономической политики Россіи на долгіе годы». Размѣры этого необходимаго строительства исчислялись авторитетными лицами въ различныхъ цифрахъ—отъ 4 000 верстъ ежегодно (генераль Петровъ) до 8 000 (проф. Гриневецкій). Комиссія инженера Борисова составила въ 1915 году планъ желѣзнодорожнаго строительства на 5 лѣтъ, намѣтивъ постройку 30 000 верстъ жел. дорогъ, т. е. по 6 000 верстъ ежегодно. Помимо недостаточности желѣзнодорожной сѣти, какъ на недостатки русскаго жел. дорожнаго хозяйства указывалось на устарѣлость паровознаго парка, недостатокъ товарныхъ вагоновъ, отсутствіе новѣйшихъ техническихъ приборъ и т. д.

Несмотря на всѣ эти недочеты, организація русскаго транспорта была *во многихъ отношеніяхъ очень хороша*. Русскіе желѣзнодорожные тарифы, организованные по дифференціальной системѣ, съ учетомъ громадныхъ русскихъ разстояній, были *самыми дешевыми въ мірѣ*. Русскіе пассажирскіе вагоны были *самыми удобными*; желѣзнодорожное хозяйство имѣло *прекрасно организованную отчетность и статистику*, отчасти сохранившіяся, несмотря на всю разрушительную работу большевиковъ.

Міровая война явилась строгимъ экзаменомъ для русскіхъ жел. дорогъ, и нельзя не признать, что испытаніе это

было ими *выдержано прекрасно*. Небывалая по размѣрамъ мобилизація прошла блестяще, безъ особаго нарушенія обычнаго желѣзнодорожнаго движенія. Мобилизація совнала съ громаднымъ урожаемъ 1914 года въ Сибири, который несмотря на войну, по мѣрѣ надобности, былъ перевезенъ въ Европейскую Россію. Общій размѣръ перевозокъ въ 1916 году былъ гораздо выше довоеннаго. Въ 1914 году общее количество перевезенныхъ грузовыхъ вагоновъ равнялось 369 милліоновъ, въ 1915 г. 470 милл., въ 1916 г. — 590 милл. вагоновъ. Захватъ непріятелемъ нашихъ западныхъ окраинъ, отрѣзанность Россіи отъ ея портовъ, — заставили приступить къ постройкѣ новыхъ дорогъ. Началась постройка Мурманской и Амурской жел. дорогъ, которыя несмотря на свое небольшое хозяйственное значеніе, въ техническомъ отношеніи представляли громадныя достиженія. Въ теченіе войны строилось свыше 16 000 верстъ жел. дорогъ, и на 4100 верстахъ было открыто временное движеніе. «Въ общемъ — пишетъ нѣмецкій изслѣдователь Серафимъ. — нужно признать, что весь организмъ русскихъ жел. дорогъ безъ ущерба выдержалъ всѣ тяготы войны, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о его прочности и здоровьѣ».

Еще больше удостоивѣрила *прочность и основательность постройки* русскихъ жел. дорогъ и ихъ подвижного состава — демобилизація 14-милліонной арміи, когда стремившіеся домой солдаты возвращались на крышахъ вагоновъ, буферахъ, подножкахъ, уничтожали росписаніе поѣздовъ и т. д. И все это вынесли русскія желѣзныя дороги. *Не вынесли они только коммунистическаго хозяйства большевиковъ*. Уже въ концѣ 1918 года, черезъ годъ послѣ начала большевицкаго хозяйничанья, инженеръ Тюменевъ заявилъ: «Агонія желѣзныхъ дорогъ началась еще въ ноябрѣ 1917 года. Желѣзнодорожное хозяйство не существуетъ болѣе, какъ планомѣрно функционирующій организмъ». Не говоря уже о первой порѣ большевицкаго господства, о временахъ такъ наз. «всееннаго коммунизма», которыя достаточно охарактеризованы вышеприведенными словами Тюменева. — данныя на 1 января 1927 года, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ социалистическаго строительства, свидѣтельствуютъ о сильномъ развалѣ желѣзнодорожнаго хозяйства, несмотря на то, что во главѣ комиссаріата путей сообщенія большевиками ставились для унорядоченія дѣла ихъ наиболѣе видные и энергичные дѣятели, какъ Троцкій, Дзержинскій. Довоенный подвижной составъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ состоялъ изъ 20 320 паровозовъ, 580 000 товарныхъ и 22 000 пассажирскихъ вагоновъ. Составъ этотъ былъ недостаточенъ, что видно изъ сравненія его съ подвижнымъ составомъ Германіи, въ которомъ числилось 20 920 локомотивовъ и 751 700 вагоновъ, хотя жел. доржная сѣть Германіи (61 150 километровъ) была почти на 15% меньше русской. Составъ этотъ понизился на 1 января 1927 года до 11 200 паровозовъ, 390 000 товарныхъ вагоновъ и

16 400 пассажирскихъ. Процентъ негодныхъ къ службѣ паровозовъ доходилъ порой до 55 %, вмѣсто тѣхъ 15%, которые считались нормальными въ прежнее время. Въ еще болѣе печальномъ положеніи находилось *верхнее строеніе пути*. Довоенная смѣна шпаль, когда проценты перележавшихъ шпаль была незначительна, равнялась приблизительно 19 милліонамъ шпаль въ годъ. За послѣдніе же два года, несмотря на то, что число перележавшихъ шпаль исчислялось специалистами въ 46 %, мѣнялось ежегодно по 15 милліоновъ шпаль; въ предыдущіе же годы цифра эта была еще меньше. Довоенной нормой смѣны рельсъ считалось 3 % всего протяженія пути ежегодно, что составляло бы для нынѣшней желѣзно-дорожной сѣти (уменьшившейся на 9 548 верстъ, отошедшихъ къ Польшѣ и рандштатамъ) 1600 верстъ ежегодно. При коммунистахъ же 1921—22 г. было замѣнено 675 верстъ, въ 1922—23 г. 699 верстъ, въ 1923—24 г. — 864 в., въ 1924—25 г. — 1300 в.

А. Халатовъ, специалистъ по транспорту, такими словами характеризуетъ современное желѣзнодорожное хозяйство: «Запущенность путевого хозяйства достигла такой степени, что требуетъ къ себѣ огромнаго вниманія подъ угрозой оказаться несостоятельной въ отношеніи безопасности движенія въ связи съ увеличивающимися размѣрами движенія». Количество перевезенныхъ грузовъ въ 1926 году равнялось 7 140 милліоновъ пудовъ, что составляетъ нѣсколько менѣе перевозокъ 1913 г. Количество пудовъ въ 1926 г. нѣсколько превысило количество 1913 года (около 4 %), что объясняется увеличенной средней дальностью пробѣга. Усиленная работа дорогъ, плохое состояніе жел. дорожнаго пути, малое пополненіе подвижнаго состава новымъ, паденіе дисциплины и трудовой морали ж. д. служащихъ вызвали *громднй ростъ несчастныхъ случаевъ*. Число несчастій въ 1923—24 г. равнялось 6,06 на 100 000 поѣздо-верстъ, противъ 1,53 въ 1913 году, т. е. увеличилось ровно въ 4 раза, при чемъ въ этихъ данныхъ еще не учтено уменьшеніе скорости курьерскихъ и скорыхъ поѣздовъ. Согласно приведеннымъ инженеромъ Чеховскимъ даннымъ, число несчастныхъ случаевъ на тѣ же 100 000 верстъ равно въ Англии 0,10, во Франціи — 0,37, и въ Германіи 0,77, при чемъ и это число считается неестественно выросшимъ послѣ войны.

Новое желѣзнодорожное строительство фактически почти приостановилось. Совѣтское правительство все еще не можетъ закончить достройку линій, начатыхъ во время войны. По смѣтѣ на 1927 годъ на новое жел. дорожное строительство ассигновано 30 милліоновъ рублей (въ 1913 г. на эту цѣль было израсходовано около 400 милліоновъ). Тотъ же самый инженеръ Борисовъ, исчислявшій въ 1915 году потребность новаго желѣзнодорожнаго строительства въ 30 000 верстъ въ теченіе 5 лѣтъ, сталъ теперь несравненно скромнѣе, и предлагаетъ въ теченіе будущаго пятилѣтія построить безъ малаго 3 700

версть, т. е. всего около 700 версть ежегодно. Финансовое положение желѣзныхъ дорогъ также очень печально. 1926-й годъ, несмотря на большой подъемъ грузооборота, закончился для желѣзныхъ дорогъ *недоборомъ въ 135 миллионѣвъ*. Коэффициентъ эксплуатаціи, т. е. отношеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ къ валовой выручкѣ равнялся въ 1925 году 80%; въ 1926 году онъ былъ еще выше, тогда какъ въ 1913 г. коэффициентъ этотъ былъ ниже 60%.

Судьба желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ большевиковъ *очень показательна*. Желѣзные дороги, какъ мы знаемъ, составляютъ ту отрасль государственнаго хозяйства, руководство которой всегда дѣлалось по опредѣленному общему плану, и какъ показала опытъ другихъ странъ, особенно Германіи, *эта отрасль государственнаго хозяйства, можетъ вестись государствомъ удачно*. Большевицкое хозяйничанье разстроило прекрасный механизмъ русской желѣзной дороги, что доказываетъ, что *присущіе коммунизму органическіе дефекты разрушительны даже въ этой, наиболее подходящей сферѣ*. Серафимъ заканчиваетъ свою книжку «*Das Eisenbahnwesen in Sowjet-Russland*» словами: «Такъ же мало можетъ быть рѣчь объ окончаніи въ ближайшемъ будущемъ желѣзнодорожнаго кризиса въ совѣтской Россіи, какъ и объ улучшеніи ея финансового положенія».

Первымъ условіемъ кореннаго улучшенія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, какъ и всякаго улучшенія ея политической и хозяйственной жизни, является ломка всего коммунистическаго режима. Послѣ освобожденія отъ путъ коммунизма русскія желѣзные дороги воскреснутъ очень скоро. На здоровомъ жизнеспособномъ организмѣ быстро затянутся раны и русская жел. дорожная система, созданная почти вѣковой работой, воскреснетъ къ новой жизни.

А. Бунге.

II. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ГОРОДАХЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наслѣдій, которыя оставитъ Россіи послѣ своего крушенія большевизмъ, несомнѣнно явится жилищный кризисъ въ городахъ. Тяжесть его будетъ заключаться не только въ томъ, что для ликвидаціи его потребуются долгіе годы и громадныя средства, но и въ томъ, что тѣ кошмарныя жилищныя условія, которыя создались въ результатъ расхищенія и «проданія» доставнаго большевицкому режиму въ наслѣдство жилищнаго фонда и вслѣдствіе совершенно недостаточнаго его возстановленія, — являются и надолго еще явятся однимъ изъ основныхъ факторовъ пониженія *моральнаго уровня и духовной культуры народа*.

Если *семья* является въ жизни народа основной культурной ячейкой, то однимъ изъ условій ея нормальнаго существованія является *самостоятельное, по возможности изолированное отъ постоянного соприкосновенія съ вѣншимъ міромъ, съ чужими людьми жилище*. «Мой домъ — мой замокъ» говорить англичане и отнюдь не случайно то обстоятельство, что Англія съ ея высокимъ уровнемъ личной и семейной морали является страной *домиковъ-особняковъ*, гдѣ подавляющее большинство населенія, включая и рабочую массу, живетъ въ отдѣльныхъ домахъ, хотя бы въ 2—3 комнаты.

Конечно не одни жилищныя условія разложили семью въ совѣтской Россіи, но достаточно представить себѣ конкретно жизнь въ современной московской квартирѣ, какъ она часто описывалась въ совѣтской литературѣ и газетахъ и изображалась въ карриатурахъ, чтобы понять, что въ этой кошмарной обстановкѣ, гдѣ самыя интимныя стороны семейной жизни протекають чуть не на глазахъ у людей совершенно постороннихъ, гдѣ отдѣльныя семьи отдѣлены другъ отъ друга часто даже не тонкой стѣной-перегородкой, а кисейной завѣской, не можетъ быть рѣчи о нормальной семейной жизни. Не трудно представить себѣ также, что означаетъ эта обстановка для *умственныхъ работниковъ*, совершенно исключая всякую возможность какого бы то ни было *удиненія и сосредоточенія*.

Что же сдѣлали большевики съ городскими домами, которыми они не замедлили овладѣть послѣ переворота?

То, что съ первыхъ дней революціи было осуществлено въ порядкѣ анархическомъ мѣстными совѣтами, революціонными комитетами и т. п. въ видѣ фактическаго устраненія домовладѣльцевъ отъ завѣдыванія домами, выселенія такъ называемыхъ буржуазныхъ семей и вселенія на ихъ мѣсто рабочихъ, а иногда просто подонковъ городского населенія. — было затѣмъ оформлено декретомъ ВЦИК'а отъ 20 августа 1918 г. «объ отмѣнѣ частной собственности на недвижимость въ городахъ».

Первоначальнымъ «завоеваніемъ революціи» явилось не только революціонное перераспредѣленіе жилой площади, но и фактическая, а затѣмъ и на «законномъ основаніи» произведенная — *отмѣна квартирной (арендной) платы*. Фактическая отмѣна произошла вслѣдствіе того, что при прогрессирующемъ обезцѣненіи бумажнаго рубля номинальная квартирная плата оставалась неизмѣнной, въ результатѣ чего «къ ноябрю 1919 г. комната, стоившая тогда въ мѣсяць 20 рублей, была въ 10 разъ дешевле фунта хлѣба, на вольномъ рынкѣ стоившаго тогда 200 рублей, или стоила столько же, сколько стоили тогда 20 спичекъ или 3 папиросы»¹⁾.

Поэтому, когда декреты 1920 и 1921 г. (Собр. Узак. за 1920 г. № 85, ст. 422 и за 1921 г. № 6, ст. 47) совершенно отмѣнили

¹⁾ И. Кобленцъ, «Жилищное право», 2-ое изд. (Институтъ Совѣтскаго права) Москва, 1924 г., стр. 40.

квартирную плату, то совѣтскій законъ только плелся въ хвостъ всеобщаго развала и «революціоннаго правотворчества» массы.

Создалось положеніе, которое цитированный выше комментаторъ совѣтскаго жилищнаго права наивно, но правильно характеризуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «не было въ сущности лицъ, кровно заинтересованныхъ въ долговременномъ сохраненіи въ цѣлости домовъ»²⁾). Отмѣна права собственности начинала, какъ всегда и всюду, за себя мстить: *пострадавшими являлись въ конечномъ счетъ не только «экспропрированные» — бывшіе домовладельцы, — но и «экспроприаторы»* или вѣрнѣе тѣ, на пользу которымъ (теоретически) должна была пойти эта экспроприація. При этомъ въ высшей степени характерно то, — и здѣсь какъ въ малой каплѣ воды отражается великая ложь социализма, — что тѣ, кого уничтоженіе собственности на дома должно было въ первую очередь облагодѣтельствовать. Отнюдь не чувствовали себя «заинтересованными въ долговременномъ сохраненіи домовъ» — пользуясь выраженіемъ комментатора совѣтскаго закона, при чемъ это въ одинаковой мѣрѣ относилось какъ къ «буржуазнымъ», такъ и къ «пролетарскимъ» обитателямъ домовъ, перешедшихъ въ «собственность народа». Вотъ что свидѣтельствуетъ объ этомъ совѣтскій авторъ: «Не только не хватало личной заинтересованности, но наоборотъ въ буржуазныхъ слояхъ населенія широко было распространено убѣжденіе, что если значительно улучшить данное жилище, то его скорѣе отниметъ какое нибудь учрежденіе или лицо. Превжніе жильцы изъ буржуазнаго класса изъ этихъ соображеній боялись дѣлать ремонтъ³⁾; вселенные новые жильцы изъ рабочаго класса или совработники не дѣлали ремонта, не считая данную квартиру окончательно закрѣпленную за ними; даже иногда замѣчалось несознательное отношеніе къ квартирѣ въ смыслѣ хищническаго отношенія къ ней. расхищеніе ея оборудованія и т. п.».

Результаты этого положенія не замедлили сказаться въ видѣ: 1) небывалаго «проѣданія», т. е. *разрушенія жилищнаго фонда* и 2) созданія такого *жилищнаго кризиса*, особенно въ большихъ городахъ, которому не было и нѣтъ прецедента въ повѣйшей исторіи. Совѣтская статистика и совѣтская экономическая и общая литература не скуныя на данныя, рисующія создавшіяся отношенія.

Что касается перваго, т. е. *процесса разрушенія наличныхъ жилищъ*, то «Экономическая Жизнь» приводила объ этомъ въ началѣ 1928 г. слѣдующія данныя: «Жилища изнашиваются и разрушаются ненормально быстро. По даннымъ ГУКХ (Главнаго Управленія Коммунальнаго Хозяйства) къ началу 1927 г. *износъ муниципализированнаго жилищнаго фонда опредѣ-*

²⁾ Там же, стр. 42.

³⁾ Курсивъ мой. В. Г.

лялся в среднем в 35 проц., а по некоторым отдельным городам даже значительно выше. Так по Ленинграду, где ориентировочная оценка произведена была с большой тщательностью, износ муниципализированных домовладений определяется в 39,4% в Костромской губ. — в 39,8%, в Новгородской в 40,3% и т. д.»⁴⁾

Жилищную нужду населения обострило еще то обстоятельство, что из национализированной и муниципализированной площади очень значительная часть отошла под безмерно разбухшие коммунистические учреждения и концелярии. «К моменту переписи 1923 г. положение в этом отношении представлялось в следующем виде: в среднем по всему Союзу учреждениями было занято 33,8% жилого фонда; по отдельным же категориям городских поселений процент занятых учреждениями домовладений колеблется так: в Москвѣ — 17,7% (по площади 30%), в Петроградѣ — 18,5%, в губернских городах 25,4%»⁵⁾. Есть однако города, где советские учреждения захватили львиную долю жилой площади, значительно превышающую среднюю норму (25%) для губернских городов. Так в Воронежѣ под учреждениями было занято 48,7% национализированных строений, в Орлѣ — 52,4%, в Вяткѣ — 56,8%, в Петрозаводскѣ — 76,3%. Сокращение советских учреждений и числа служащих, произведенное в 1923—1926 гг., отразилось на некотором уменьшении площади, занятой учреждениями. «Хотя эти данные (1925 и 1926 г.) трудно сравнимы с данными переписи 1923 г., но они во всяком случае показывают, что даже и послѣ некоторого сокращения происшедшаго в 1926 г., учреждениями все еще занято больше трети национализированнаго жилищнаго фонда».⁶⁾

Наконец, вследствие остраго аграрнаго кризиса и отлива крестьянства из деревни образовалась необычайная *скупенность населения в больших городах* и в промышленных центрах внѣ городов. Обширный и интересный материал для характеристики жилищнаго кризиса дает произведенная в связи с общей переписью населения СССР 17 декабря 1926 г. перепись жилищ, результаты которой были недавно опубликованы⁷⁾.

⁴⁾ Н. Козеренко. «Какъ бороться съ жилищнымъ хищничествомъ», «Экономическая Жизнь», 1928, № 6.

⁵⁾ Н. Козеренко, «Что можетъ дать сокращеніе аппарата управленія», «Экономическая Жизнь», 22 января 1928 г.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ В дальнѣйшемъ мы пользуемся главнымъ образомъ результатами этой переписи в томъ видѣ, какъ они опубликованы в слѣдующихъ статьяхъ: А. Гибманъ, «Жилищный фондъ и жилищныя условия нашихъ городовъ», «Статистическое Обзоріе», Июль 1928, стр. 76—84, и Л. Выгодскій, «Жилищный вопросъ в отраженіи всесоюзной переписи», «Экономическое Обзоріе», Сентябрь 1928, стр. 134—147.

Когда изучаемъ данныя о распредѣленіи жилищной площади въ Совѣтской Россіи, то невольно обращаетъ на себя вниманіе единица счета, здѣсь примѣняемая. Въ другихъ странахъ при жилищныхъ переписяхъ основной счетной единицей являются обыкновенно комната или квартира, причемъ высчитывается сколько человѣкъ приходится въ среднемъ или по отдѣльнымъ категоріямъ на каждую изъ этихъ единицъ. Счетъ на квадратныя единицы площади имѣетъ лишь второстепенное, подсобное значеніе. Наоборотъ, въ Совѣтской Россіи основной счетъ ведется на квадратныя метры или аршины, проходящіеся на каждого жителя. Это само по себѣ очень показательно. Счетъ на квартиры и комнаты, какъ мы еще покажемъ ниже, является въ условіяхъ коммунистическаго строя какъ бы недостижимой роскошью. *совѣтскій житель обреченъ на существованіе не въ квартирѣ или комнатѣ, а на такомъ то числѣ квадратныхъ метровъ.*

Совѣтское законодательство и экономическая литература исходятъ изъ того, что необходимой средней «санитарной» нормой жилой площади является 8 квадратныхъ метровъ (= 16 кв. аршинъ) на человѣка (четыре аршина въ длину и четыре аршина въ ширину).

Данныя переписи 1926 г. показываютъ, что большевики не только не достигли этой идеальной нормы, но за послѣдніе годы продолжаютъ отъ нея *удаляться*, ибо *жилищное строительство въ городахъ не поспѣваетъ за износомъ старыхъ домовъ, не говоря уже о новомъ приростѣ населенія.*

Средняя жилая площадь на одного человѣка (для населенія проживающаго въ квартирахъ) составляла по всей Россіи 5.9 кв. метровъ. Это — средняя для *всей* Россіи. Выше ея жилищная площадь оказывается въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ въ результатъ большевицкой революціи *жизнь по тѣмъ или инымъ причинамъ замерла и населеніе сократилось.* Таковы Петербургъ (8.7 кв. м.), Кіевъ (7.1 кв. м.), Одесса (7.4 кв. м.). Остальные крупные города имѣютъ площадь на человѣка *ниже средней* при чемъ она колеблется въ предѣлахъ 5.9—4.1 кв. м. Кромѣ крупнѣйшихъ городовъ (Москва и Харьковъ), гдѣ населеніе особенно сильно возросло вслѣдствіе сосредоточенія здѣсь безчисленныхъ совѣтскихъ учреждений съ ихъ громадными штатами, особенно неблагополучны провинціальныя промышленныя центры, какъ напримѣръ Иваново-Вознесенскъ (4.3 кв. м.), Сормово (4.6 кв. м.) и т. д. Совѣтская печать (см. особенно органъ профессиональныхъ союзовъ «Трудъ») нестритъ сообщеніями о кошмарныхъ жилищныхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ промышленныя рабочіе. Изъ огромнаго числа такихъ сообщеній приведемъ слѣдующее, относящееся къ Уральскому горнопромышленному району: «На Уралѣ отмѣчаются случаи, когда на площади двухъ сажень

ухитряются жить до 17—18 рабочихъ. Этотъ секретъ объясняется системой «трехъ смѣнъ». Сдача помѣщений «подъ ночлегъ» (въ теченіе круглыхъ сутокъ) стала весьма выгоднымъ дѣломъ»⁸⁾. Недаромъ въ рабочей средѣ, какъ свидѣтельствуется совѣтская печать, для характеристики аналогичныхъ жилищныхъ условій въ Донецкомъ бассейнѣ вошло въ обиходъ крылатое словечко: «гробовая норма».

Сравненіе данныхъ переписи 1926 г. съ данными аналогичной переписи, произведенной въ 1923 г., показываетъ, что за это время произошло не увеличеніе, а наоборотъ *сокращеніе жилой площади*, приходящейся въ среднемъ на одного жителя. Она сократилась за это время съ 6,3 кв. метровъ до 5,9 кв. м. на человѣка, т. е. на 6,4%. «Это — самый важный и самый печальный выводъ изъ сопоставленія результатовъ двухъ послѣднихъ жилищныхъ переписей, такъ какъ указанная средняя является наиболѣе точнымъ показателемъ жилищныхъ условій»⁹⁾.

Что же дѣлала совѣтская власть для того, чтобы остановить дальнѣйшее разрушеніе и «проѣданіе» жилищнаго фонда и для того чтобы устранить созданный уничтоженіемъ права собственности и другими коммунистическими мѣрами жилищный кризисъ? Она, во-первыхъ, вновь ввела и стала неуклонно *повышать квартирную плату*, и, во-вторыхъ, *строила новые дома*¹⁰⁾, преимущественно для рабочихъ.

Упомянутый въ началѣ декретъ 1920 г. о полной отмѣнѣ квартирной платы недолго оставался въ силѣ. Нужно было какъ нибудь содержать дома, убирать нечистоты, чинить крышу, когда она начинала протекать, или водопроводъ, когда онъ портился. Но вновь введенная декретами 1921 и послѣдующихъ годовъ квартирная плата была построена по классовому и подоходному принципамъ. Она разнилась, во-первыхъ, въ зависимости отъ соціального состоянія нанимателя, оставаясь на очень низкомъ уровнѣ для «привилегированнаго сословія» — рабочихъ, и достигая максимума для «паріевъ» — торговцевъ, промышленниковъ и т. п. Служащіе и лица свободныхъ профессій занимали среднее положеніе между этими двумя категориями. Въ вторыхъ, въ предѣлахъ отдѣльныхъ категорій она увеличивалась съ ростомъ дохода данного лица. Что касается формы эксплуатаціи домовъ, то большая часть ихъ теперь сдается на опредѣленныхъ условіяхъ въ аренду жилищ-

⁸⁾ «Жилищный вопросъ и текучесть рабочей силы», «Трудъ», 19 января 1928 г.

⁹⁾ Л. Выгодскій, «Жилищный вопросъ въ отраженіи всесоюзной переписи», «Экономическое Обозрѣніе», сентябрь 1928 г., стр. 139.

¹⁰⁾ Вопросъ о совѣтскомъ домостроительствѣ я разсмотрю въ особой статьѣ. Авторъ.

нымъ товариществамъ, образуемымъ изъ числа обитателей даннаго дома ¹¹⁾).

Первые годы квартирная плата была завѣдомо недостаточна для производства даже текущаго ремонта, не говоря уже о капитальномъ, и процессъ разрушенія домовъ продолжался по прежнему. Таково было положеніе впрочемъ еще въ 1928 году. «Квартирная плата, какъ извѣстно, въ общей своей суммѣ недостаточна для покрытія всѣхъ расходовъ по эксплуатаціи жилыхъ помѣщеній. По подсчетамъ ГУКХ, даже и послѣ повышенія ея въ 1926 г., она дастъ приблизительно только половину необходимой для этого суммы». Авторъ цитированной статьи приходитъ поэтому къ выводу, что считать вопросъ о «продажѣ» жилищнаго фонда ликвидированнымъ врядъ ли есть основанія ¹²⁾. Въ виду этого въ началѣ 1928 г. состоялось постановленіе президіума ЦИК СССР о необходимости ввести съ 1 апрѣля 1928 г. новыя нормы квартирной платы въ интересахъ *приближенія ея къ себѣстоимости эксплуатаціи жилищъ*.

Что касается «классоваго принципа», положеннаго въ основу квартирной платы, то съ того момента, какъ жилищнымъ товариществамъ или домоуправленіямъ волей-неволей пришлось въ собственныхъ интересахъ заботиться о самокупаемости домовъ, *эта мѣра ударила по тѣмъ самымъ рабочимъ, которыхъ она должна была облагодѣтельствовать*. При томъ условіи, что квартирная плата сообразовалась съ социальнымъ положеніемъ жильцовъ, создавалась большая неравномѣрность въ доходности отдѣльныхъ домовъ. Чѣмъ больше въ данномъ домѣ проживало пролетаріевъ, тѣмъ безнадежно убыточнѣе была его эксплуатація вслѣдствіе недостаточности квартирной платы. Напротивъ, чѣмъ больше въ домѣ проживало лицъ иныхъ категорій, платящихъ высокія ставки, тѣмъ больше былъ доходъ, тѣмъ легче было сводить концы съ концами. Поэтому многія домоуправленія и товарищества стали относиться враждебно къ вселенію къ нимъ слишкомъ большого числа плохо платящихъ пролетаріевъ и старались регулировать социальный составъ жильцовъ такимъ образомъ, чтобы обезпечить достаточную для «рентабельности» дома пропорцію высокоплатящихъ жильцовъ.

Во всемъ этомъ замѣчательно не только то, что жизнь мстила за поруганіе здраваго смысла и законовъ экономики коммунистическими экспериментаторами, но и то обстоятельство, что съ рѣзкой критикой «классовой» системы квартирной платы и съ требованіемъ введенія равной для всѣхъ пла-

¹¹⁾ См Р. Сифманъ; «Аренда городскихъ домовладѣній», «Статистическое Обзорѣніе», Сентябрь 1928 г., стр. 101—104.

¹²⁾ Н. Козеренко, «Очередныя пугды жилищнаго строительства», «Экономическая Жизнь», 18 января 1928 г.

ты выступилъ не кто иной какъ ВЦСПС (Всесоюзный Централь-
ный Совѣтъ Профессиональныхъ Союзовъ), который въ дан-
номъ своемъ выступленіи, столь рѣзко противорѣчащемъ ком-
мунистическимъ канонамъ, несомнѣнно *отражалъ настроенія
и требованія рабочей массы*. Существующая система, гово-
рить ВЦСПС въ своемъ заключеніи по этому вопросу¹³⁾, при-
водитъ къ неравномѣрной доходности домовладѣній и къ худ-
шему содержанію жилищъ съ меньшей доходностью, т. е. какъ
разъ тѣхъ, въ которыхъ живутъ рабочіе съ низкими зара-
ботками. «Кромѣ того эта система очень слабо защищаетъ ра-
бочихъ отъ вытѣсненія ихъ въ худшія жилища, такъ какъ
*домоуправленія и частные домовладѣльцы всячески стараются
избавиться отъ невыгодныхъ жильцовъ. Нужно систему квар-
тирной платы построить такъ, чтобы всѣ категоріи жильцовъ
оплачивали квартиру по дѣйствительной себѣстоимости
эксплуатаціи и амортизаціи жилищъ*».

Получается такимъ образомъ положеніе, при которомъ
облагодѣтельствованные социалистическими классовыми при-
вилегіями рабочіе просятъ *избавить ихъ отъ этихъ привил-
легій* и настаиваютъ на введеніи того, что является настоящимъ
капиталистическимъ принципомъ.

Возможны ли болѣе пагубныя доказательства разру-
шительности и нежизненности социализма?

В. Ф. Гефдингъ.

III. ЭВОЛЮЦИОНИРУЮТЪ ЛИ КОММУНИСТЫ?

Люди, утомленные борьбою и лишеніями; люди, плохо ура-
зумѣвшіе міровой смыслъ нашей русской катастрофы; люди
страдающіе честолюбіемъ, соблазненные и соблазняющіе — не-
рѣдко указываютъ нынѣ на то, что «коммунисты эволюціо-
нируютъ» и что *поэтому должно «эволюционировать» и наше от-
ношеніе къ нимъ*: они де — «уже не прежніе коммунисты»;
они «многое» «поняли» и «во многомъ» «измѣнились»; одни изъ
нихъ умерли (Ленинъ, Красинъ, Юффе, Воровскій, Фрунзе,
Склянскій, Войковъ); другіе «силою вещей» выпуждены были
«прекратить» имущественный передѣлъ и начать «хозяйствен-
ное строительство» въ Россіи; та же «сила вещей» заставила
ихъ «признать» частную инициативу (Нэнъ), покончить съ про-
довольственной разверсткой, разрѣшить крестьянамъ наемъ
рабочихъ, ввести строгую дисциплину въ красной арміи, «при-
мириться съ церковью» (Митрополитъ Сергій), повести «нор-
мальную торговлю» съ западно-европейскими державами. Вы-

¹³⁾ «ВЦСПС о квартирной платѣ», «Трудъ», 23 марта 1928 г.

ступили новыя фігуры; появились новыя пріемы; сложились новыя задачи и цѣли. Простая справедливость заставляетъ де насъ признать, что «тамъ» совсѣмъ не все такъ ужъ безусловно «гадко, гнусно, ужасно»; тамъ есть «иное», «новое» и его надо оцѣнить по «иному», по «новому». Не пора ли «принять создавшееся положеніе»? Не пора ли влиться въ строительство «новой Россіи»? Вѣдь коммунисты несомнѣнно «эволюціонируютъ» . . .

Одни говорятъ такъ потому, что пытаются обмануть *самихъ себя*; другіе потому, что пытаются обмануть *другихъ*. И тѣ. и другіе кривятъ душою и сползаютъ въ пропасть. И вотъ почему.

1. Всѣ мы живемъ *во времени*; во времени, чувствуемъ и поступаемъ; подвергаемся разнымъ вліяніямъ, заражаемся, болѣемъ и умираемъ. Въ этомъ общемъ смыслѣ *все* «эволюціонируетъ»; и, наряду съ бактеріями, ядовитыми насѣкомыми и хищными звѣрями, «эволюціонируютъ» и коммунисты. Утверждать такую «эволюцію» значитъ выговаривать общее мѣсто, ничего не говорящій трюизмъ, замѣчаніе избитое и поверхностное, изъ котораго нельзя сдѣлать *никакихъ практическихъ выводовъ*. Да, бактеріи «эволюціонируютъ»: значитъ ли это, что я долженъ содѣйствовать имъ? Ядовитыя насѣкомыя — тоже «эволюціонируютъ»; вытекаетъ ли изъ этого ихъ безвредность и полезность? «Эволюціонируютъ» и хищные звѣри; что же мы не торопимся подражать ихъ хищности? Итакъ: дѣло не въ «эволюціи вообще», а въ особой *качественной* эволюціи, въ *качественномъ перерожденіи коммунистовъ* — ихъ *цѣлей*, ихъ *намѣреній*, ихъ *пріемовъ*, ихъ *міросозерцанія* и *Бого-созерцанія*, т. е. всего ихъ духовнаго уклада и нравственнаго естества. Но утверждать *такую* эволюцію — значитъ говорить явную ложь.

2. На самомъ дѣлѣ коммунисты *качественно не* эволюціонируютъ и ожидать отъ нихъ такой эволюціи было бы *наивно* и *глупо*. Свойственный имъ укладъ души вырабатывался *десятилѣтіями*, еще въ эпоху императорской Россіи; онъ передавался отъ родителей къ дѣтямъ, закрѣплялся въ революціонномъ подпольѣ и, постепенно накаляясь, доходилъ до *одержимости*, до состоянія слѣпоты и глухоты ко всему инопородному, до состоянія ненависти и презрѣнія къ противоположному воспріятію міра. Коммунистическое теченіе медленно слагалось въ *изувѣрскую политическую секту*, въ организацію заговорщиковъ-фанатиковъ; они создавали то, что въ наукѣ называется «*коллективнымъ психозомъ*» и сами становились его жертвами и орудіями. Ими владѣетъ судьба всякаго демагога, который сначала разжигаетъ чернь, а потомъ самъ становится ея орудіемъ; который сначала создаетъ какъ бы тотъ резервуаръ страстей, изъ котораго онъ самъ въ даль-

иѣйшемъ черпаетъ свою собственную ожесточенность. Но коммунисты позаботились еще и о томъ. чтобы *закрѣпить* этотъ коллективный психозъ, создать подъ именемъ «партіи» кадръ ожесточенныхъ душъ и скрѣпить его: а) совмѣстнымъ преступленіемъ (раздѣлъ чужого имущества, гражданская война, терроръ, убіеніе Царской семьи); в) страхомъ передъ грядущей неминуемой карой; с) жаждой міровой добычи и мірового господства; д) взаимнымъ шпіонажемъ. Вслѣдствіе всего этого коммунистическій укладъ въ основѣ своей пересталъ быть явленіемъ *органическимъ*, способнымъ къ перерожденію, и сталъ явленіемъ *механической слѣпоты*. Изъ катастрофы рожденные, катастрофѣ служащіе, они могутъ найти свой конецъ *только въ катастрофѣ*. Такія явленія, не эволюціонирующія, а катастрофическія—знаеть и внѣшняя природа (наир. распаденіе звѣздъ, ураганы, изверженіе вулкановъ).

3. Коммунисты и нынѣ вѣрны свой цѣли: *растлить міръ духовно для того, чтобы поработить его политически; въ имущественномъ передѣлѣ и въ гражданской войнѣ выдвинуть повсюду новую безбожную «элигу», которая закрѣпитъ за собою міровую власть системой подкупа, террора и шпіонажа*. Этой цѣли они будутъ вѣрны до конца. Россія есть ихъ плацдармъ, ихъ трамплинъ, ихъ орудіе; какъ бы ихъ «читательный бульонъ». Если они строятъ *въ Россіи*, то строятъ этимъ *не Россію*, а *міровую революцію*. Если они организуютъ армію, то не Русскую Армію, а *армію міровой революціи*; и сами всегда открыто выговариваютъ это. Если они торгуютъ съ западомъ, то для того, чтобы продержатъ свой плацдармъ. Интересъ Россіи *не* есть ихъ интересъ; и *ихъ* интересъ *противоположенъ интересамъ русскаго народа*. Если въ Россіи замѣтно кое въ чемъ медленное улучшение, то *не благодаря* коммунистамъ, а *вопреки* имъ и *несмотря* на ихъ дѣятельность. И въ подъяремной Православной Церкви они видятъ только своего врага, изъ котораго они пытаются сдѣлать свое орудіе (соглашеніе съ Митрополитомъ Сергіемъ). Ихъ власть есть не Русская Власть, а *власть надъ Россіей*, власть ея *врага* и ея *погубителя*.

4. Въ Россіи эволюціонируетъ качественно не коммунизмъ, а *русскій народъ*. А коммунисты, всячески задерживая эту качественную эволюцію русскаго народа, видятъ себя вынужденными *приспособлять* свои мѣры къ совершающимся въ народной толцѣ переменамъ, т. е. по новому изловчатся, по новому растлѣвать, по новому обманывать, по новому натравливать другъ на друга («бѣдноту» на «кулаковъ»), по новому налаживать аппаратъ сыска и доноса. Это есть, конечно, тоже «эволюція»; но не эволюція къ лучшему качеству, а *эволюція къ новымъ видамъ сатанизма*; эволюція не сущности, а внѣшнихъ проявленій: эволюція не цѣлей и намѣреній, а внѣшнихъ пріемовъ и средствъ.

По русскій народъ. живя и страдая подь коммунистами, несомнѣнно эволюционируетъ къ лучшему. Страданія его выросли изъ самыхъ заблужденій, страстей и дѣяній имъ совершенныхъ; и въ страданіяхъ своихъ онъ выстрадываетъ *кривые пути своего прошлого*: религіозно очищается и углубляется его душа; здоровѣетъ его инстинктъ національнаго самосохраненія и инстинктъ собственности: медленно, но вѣрно спадаетъ съ его души гипнозъ страха и соблазна. Проходить соблазнъ исчезаетъ разбойничья установка души; онъ медленно научается *уважать себя и презирать своего совратителя*; и медленно собирается съ силою для надлежащаго отпора коммунистамъ. *Русскій народъ понемногу переходитъ въ наступленіе на не эволюционирующихъ, но изворачивающихся коммунистовъ.*

И только близорукость или безсовѣстность способны принимать и выдавать этотъ процессъ *національнаго возрожденія за качественное переорожденіе коммунистовъ.*

Старый Политикъ.

IV. ПРОРОЧЕСКІЯ СЛОВА.

(ДЛЯ ПАМЯТИ).

Существуетъ Богъ въ мірѣ; и божественная санкція должна таиться въ нѣдрахъ всякаго управленія и повиновенія, должна лежать въ основѣ всѣхъ моральныхъ дѣлъ людскихъ.

Скентическій міръ — неискренній міръ; скентизмъ — безбожная неправда міра! Изъ него зародилось цѣлое племя соціальныхъ язвъ. — французская революція, чартизмъ, и все, что угодно; онъ составлялъ главную основу ихъ неизбѣжнаго существованія.

Въ основѣ всякаго требованія, обращеннаго человѣкомъ къ человѣку лежитъ божественное право или же дьявольское безправіе.

Я предсказываю, что міръ еще разъ станетъ *искреннимъ*, вѣрующимъ міромъ. что въ немъ будетъ много героевъ, что онъ будетъ героическимъ міромъ! Тогда онъ станетъ побѣдоноснымъ міромъ; только тогда и только при такихъ условіяхъ.

Человѣкъ не можетъ вообще *знать*, если онъ не *поклоняется* чему либо въ той или иной формѣ. Иначе его знаніе — пустое педантство, сухой чертополохъ.

Всемирная исторія есть исторія великихъ людей. Исторія этихъ послѣднихъ составляетъ по истинѣ душу всей мировой исторіи.

Великій человѣкъ является всегда точно молнія съ неба; остальные люди ожидаютъ его, подобно горючему веществу, и затѣмъ сами воспламеняются пламенемъ.

Увы, это такъ: только тотъ можетъ узнать героя, кто до извѣстной степени самъ герой.

Великія души всегда лояльно-покорны, почтительны къ стоящимъ выше ихъ; только ничтожныя, низкія души поступаютъ иначе.

Умъ человѣка заключается не въ томъ, чтобы умѣть «говорить» и «дѣлать логическіе выводы», а въ томъ, чтобы *видѣть* и *убѣждаться*.

Развѣ мысль, истинный трудъ, самая высочайшая добродѣтель — не порожденіе *страданія*? Истинная мысль возникаетъ какъ бы изъ чернаго вихря. Дѣйствительное усиліе, усиліе плѣшника, борющагося за свое освобожденіе — вотъ что такое мысль. Намъ повсюду приходится достигать совершенства путемъ страданія.

Все достоинство оригинальности — не въ новизнѣ, а въ искренности. Вѣрующій человѣкъ — оригинальный человѣкъ; во что бы онъ ни вѣрилъ, онъ вѣритъ въ силу *собственного* разумѣнія, а не въ силу разумѣнія другого человѣка.

Ничто не обладаетъ такой долговѣчностью, какъ правдиво сказанное слово.

Молчаніе, быть можетъ, самое полезное изъ всего, что каждому изъ насъ остается дѣлать въ эти черезъ чуръ звонкія времена.

Ибо, дѣйствительно, міръ изобилуетъ олухами, а вы добились *всеобщаго* голосованія!

Первая обязанность человѣка все еще и до сихъ поръ заключается въ *подавленіи страха*. Мы должны освободиться отъ страха; мы не можемъ вовсе дѣйствовать, пока не достигнемъ этого. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ не повергнетъ страха подъ пяту ногъ своихъ, поступки его будутъ носить рабѣнствующій характеръ, они будутъ не правдивы, а лишь правдоподобны: самыя мысли его будутъ ложны; онъ будетъ думать совершенно какъ рабъ и трусъ.

Карлейль.

A/S „SALAMANDRA“ Latvija, Riga, Bruninieku iela, 25

**Издательство Акц. Общ. Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“
Художественный журналъ**

„ПЕРЕЗВОНЫ“

**На дняхъ выходитъ богато иллюстрированный № 42 журнала,
посвященный художнику БОР. ГРИГОРЬЕВУ.
Цѣна 25 американскихъ центовъ.**

При коллективной выпискѣ изъ издательства четырехъ экз., пятый экз. высылается бесплатно. Въ виду отсутствия во многихъ странахъ контрагентовъ, издательство обращаетъ внимание гг. читателей на это условие коллективной выписки.

Въ виду ограниченности экземпляровъ журнала за 1925-1927 гг., съ 1-го сентября 1928 г. на нихъ цѣна повышена вдвое.

Въ мышцахъ сила, въ сердцѣ отвага, въ мысляхъ родина.

РУССКІЙ СОКОЛЬ

**въ Королевствѣ Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ
Органъ Правленія Краевого Союза
Двухмѣсячный журналъ**

Адресъ редакціи:

Београд, Кр. Милутина 48, стан 3 „Руски Соко“

САМАЯ СТАРАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

НОВОЕ ВРЕМЯ

Г О Д Ъ И З Д А Н І Я 53-й.

Основана **А. С. Суворинимъ** въ Санктъ-Петербургѣ въ 1876 г.

Условія подписки: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 12 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С. 45 дин. 125 дин. 250 дин. 400 дин.

За границу . . . . . 1 дол. — — 5 дол. 10 дол.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждого мѣсяца
въ Главной Конторѣ газеты:

БЪЛГРАДЪ, ТОПЛИЧИНЪ ВЕНАЦЪ, 4

и во всѣхъ контръ-агентствахъ газеты.

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ нац.-освобод. борьбы и славянской взаимности.

Редакторъ **К. І. ЗАЙЦЕВЪ**

Еженедѣльная газета при ближайшемъ участіи **П. Б. СТРУВЕ**

PARIS (V) 12, RUE ROYER-COLLARD

„La Russie et le Monde Slave“

Изданіе Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Brunnieklela 35 Латвія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—2 лата, въ
Эстоніи—73 эст. цент., за границей—20 амер. центовъ.

Православный Религіозно-Общественный Ежемѣсячникъ

„ В Ъ С Т Н И К Ъ “

Органъ Русск. Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(четвертый годъ изданія)

Освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи; хроника антирелигіозной пропаганды. Отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи. Восемь разъ въ году „Вѣстникъ“ выходитъ съ приложеніемъ Бюллетеней Религіозно-Педагогическаго Кабинета, содержащихъ обзоръ основныхъ моментовъ теоріи и практики современной религіозно-педагогической работы,

Цѣна журнала 30 франковъ въ годъ, отдел. номеръ 3 франка

Требуйте бесплатно пробные номера.
Адресъ редакціи: 10, Boulevard Montparnasse. Paris-XVe

Б Ъ Л О Е Д Ъ Л О

Лѣтонисъ Бѣлой Борьбы

Подъ редакціей А. А. фонъ-Лампе.

Книги I, II, III и IV по цѣнѣ 1 долларъ 75 центовъ. Выписывающимъ непосредственно изъ главнаго склада всѣ четыре первыхъ книги, установлена скидка въ 25 процентовъ.

Книги V и VI „Записки Генерала П. Н. Врангеля“

Цѣна за книгу 2 дол. 25 цент.

Согласно волѣ генерала Врангеля, частямъ Русской Арміи, воинскимъ соювамъ и чинамъ ихъ (по удостовѣренію правленія) на 5 и 6-ую книги дѣлается скидка въ 40 процентовъ.

Всю корреспонденцію просятъ адресовать на имя редактора

„Бѣлаго Дѣла“, Berlin W15, Lietzenburger Strasse 43 IV
Главный складъ: „Grad Kitesch“, Berlin W62, Kleiststr. 21

Подписка принимается въ редакціи
BERLIN W15, LIETZENBURGER STR. 43 IV
A. BUNGE.

БЕРЛИНЪ W15, ЛИТЦЕНБУРГЕРЪ ШТРАССЕ 43IV
А. БУНГЕ.

По цѣнѣ: за три книжки 80 ам. цент.,
за шесть кн. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа
во всѣхъ крупныхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ того:

въ Юго-Славіи журналъ можно выписывать
черезъ Представительство Н. А. Павловскаго
Новый Садъ ул. Змая Іовановича 25;

въ Польшѣ представителемъ является
книжный магазинъ „Д о б р о“
Krakowskie przedmieście 53;

въ Южной Америкѣ
Н. Ф. Эрнъ. Paraguay.
Asuncion Avenida Colombia 1314.

Цѣна книжки
въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.

Verantwortlicher Schriftleiter
Professor Dr. Iwan Iljin, Berlin.

Neue Redaktionsadresse:
Berlin W 15, Lietzenburger Straße 43 IV
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“
Inhaber: I. Iljin.